

ББК 63.3(2)
УДК 94/47
Т 47

Рецензенты:

академик *А.О. Чубарьян*,
доктор исторических наук *Л.М. Дробижева*

Тишков В.А.

Этнология и политика. Научная публицистика. — М.: Наука. 2001. — 240 с.

ISBN 5-02-008799-8

В сборник публицистических работ известного российского этнолога, директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук, бывшего министра по делам национальностей, профессора В.А. Тишкова включены наиболее важные статьи последнего десятилетия, в которых был выдвинут ряд фундаментальных концептуальных положений и теоретических новаций о природе феномена этничности, основах устройства многоэтнических государств, государственного устройства России, стратегии и механизмов национальной политики. Автор анализирует природу национализма, сепаратизма и экстремизма, принципы утверждения толерантности и культуры мира, пути предотвращения конфликтов и насилия, дает оригинальные оценки общественных трансформаций в России с точки зрения социально-культурной антропологии.

Для широкого круга ученых-обществоведов, политиков, преподавателей и студентов.

По сети "Академкнига"

Научное издание

Тишков Валерий Александрович
ЭТНОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА
Научная публицистика

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Зав. редакцией Н.Л. Петрова. Редактор В.М. Черемных
Художественный редактор В.Ю. Яковлев. Технический редактор О.В. Аредова
Корректоры О.Е. Русакова, Е.А. Сысоева

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано к печати 12.11.2001. Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Балтика. Печать офсетная
Усл.печ.л. 15,0. Усл.кр.-отт. 15,5. Уч.-изд.л. 14,2. Тираж 2120 экз. Тип зак.

Издательство "Наука". 117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука". 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-008799-8

© В.А. Тишков, 2001
© Издательство "Наука", 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

РАСПАД СССР И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

Народ, нация, государственность.....	13
О советском этнонационализме	20
Тяжело Союз сохранить, еще труднее разрушить.....	26
"Смертельный гамбит" национальной политики	32
Самоопределение народов и целостность России	37
Политика многокультурности	41
Что есть самоопределение?	49
Плач по концепции	55

ОСМЫСЛЕНИЕ НОВЫХ ПРОБЛЕМ

Русские вне России: мифы и политика	61
О переписи населения	68
Российская политика в отношении зарубежных соотечественников	74
Зарубежные соотечественники: концепция и политика	80
Прощание с пятым пунктом	88
Национальности и паспорт	93
Социальная природа института прописки	98
Культура толерантности в России.....	104
Стратегии противодействия экстремизму	112
Феномен сепаратизма.....	122

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия	135
Этнический федерализм: российский и международный опыт	147
Теория этноса и культурный фундаментализм	160
Этничность, право и закон.....	171
Антропология российских трансформаций	183
Миф о демографической катастрофе в России.....	202
Язык и алфавит как политика	215
Кризисная парадигма в России.....	223

ИТОГОВЫЕ ДЕФИНИЦИИ

Этнос или этничность?	229
О нации	234

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ученому-этнологу не так просто издавать книгу, в названии которой слова "политика" и "публицистика" могут насторожить постороннее академическое ухо. Слово *политика* для некоторых исследователей этноисторических проблем кажется почти ругательством, а слово *публицистика* пугает возможностью отступления от научных стандартов. После 35 лет занятий наукой (моя первая научная работы была опубликована в 1966 г.) эти опасения мне не кажутся столь серьезными, и для этого есть особый резон.

Во-первых, фактически нет обществоведческих занятий вне политики, а тем более вне поля властных и идеологических взаимодействий. Этнологическая наука, изучающая культурное многообразие людей и человеческих сообществ, да еще в многоэтничной стране, не может быть в стороне от политики. Более того, в бывшем СССР и в новой России последние полтора десятка лет именно эта дисциплина оказалась одной из наиболее востребованных в ходе радикальных общественных трансформаций. Пожалуй, нигде и никогда столько много профессиональных этнографов и близких им по занятиям обществоведов не совершили "обряд перехода" из профанного в сакральное, т.е. участвовали во власти или в активной политической деятельности. Достаточно привести примеры политиков "первого уровня": Г.В. Старовойтова в России, Л. Чибиров и А. Чочиев в Южной Осетии, А. Галстян и А. Мкртчян в Армении, В.Г. Ардзинба в Абхазии. Трое из них трагически погибли в жестокостях нашего времени. Десятки лидеров так называемых национальных движений от имени разных этнических сообществ вышли из среды этнографов, филологов, фольклористов и им подобных.

Прожитые полтора десятилетия нуждались в гуманитариях, а сами гуманитарии были активными участниками и соавторами свершающихся событий. Хорошо или плохо, когда столько ученых-гуманитариев прямо или косвенно, с энтузиазмом или без него, участвуют в политике, а значит, в управлении

и в переустройстве общества, — вопрос не такой однозначный. Французский философ М. Фуко считал, что лучше держаться подальше от гуманитариев с их часто утопическими проектами в то время, когда управленцы заняты делом общественного переустройства. Другие, наоборот, уверены, что без научных концепций и без ученых управлять и переустраивать общество невозможно. В любом случае, в культурно сложных сообществах всегда есть потребность в дополнительном знании "другого" (языка, обычаев, интересов, связей, мировидения), а также существуют специфические проблемы организации и управления обществом, которые требуют общественного соучастия ученых-этнологов. Я уже давно пришел к выводу, что "научное управление обществом" есть химера, но и управление обществом без добротной научной экспертизы — безответственная импровизация.

Во-вторых, что касается жанра научной публицистики, то здесь также необходимы некоторые разъяснения. Многие ученые-гуманитарии занимались публицистическим трудом чаще всего не ради заработка, а из желания довести как можно быстрее свое знание или мнение до более широкой аудитории. Среди отечественных и зарубежных этнографов и антропологов можно назвать таких выдающихся публицистов, как Н.Н. Миклухо-Маклай, В.Г. Тан-Богораз, С.В. Максимов, В.К. Арсеньев, М.А. Чаплицкая, Р.Ф. Итс, Ю.Б. Симченко, Ф. Боас, М. Мид. В этнологии публицистика имеет еще и важный просветительский аспект, а также гуманистическое содержание, если она не направлена на распространение расистских и ксенофобских воззрений или фантастических вымыслов об экзотике "дикарей".

Следует сказать, что в отечественной литературе по этническим сюжетам за последние годы было сочинено достаточно много банальностей и злобных вымыслов: от запальчивых брошюр, издаваемых от имени разных ассоциаций и ассамблей, до человеконенавистнического сочинения "Убить империю" сторонника "деколонизации современной русской империи" Айдара Халима. В то же самое время в газетах и популярных журналах было опубликовано огромное число материалов, основанных на полевой этнографической работе и других изысканиях. Через них российское общество узнало много нового о самом себе и о внешнем мире. Ряд моих коллег по цеху (С.А. Арутюнов, А.В. Головнев, Л.М. Дробижина, Д.М. Исхаков, О.А. Мурашко, Н.И. Новикова, Н.А. Томилов, Я.В. Чеснов и другие) выступали в последние годы с публицистическими статьями, фильмами и телепередачами на злободневные темы. Многие этнологи в российских республиках стали одними из самых читаемых авторов и героями телепередач. Можно сказать, что в 1990-е годы в стране родилась этнологическая публи-

цистика, родилась в дебатах и с острыми реакциями обычных читателей и профессиональных коллег. Но в целом это явление представляет собой позитивный процесс, помогающий развитию науки и утверждению ее статуса в российском обществе.

С конца 1980-х годов, особенно после избрания директором Института этнографии АН СССР в 1990 г., внешние обстоятельства и административное положение побудили меня отложить почти готовую работу о коренном населении Канадского Севера и обратиться к отечественной тематике, которая стала более интересной и открытой для академического анализа. Уже первые публикации в журнале "Коммунист" и в "Литературной газете" в 1989 г. встретили равнодушную реакцию. Один из "разработчиков" национальной политики в советское время обвинил меня через газету "Правда" в тяжком грехе: "некоторые специалисты подвергают сомнению саму национальную государственность" (на общепринятом языке речь, понятно, шла об этнотерриториальной автономии в форме советских союзных и автономных республик). Тем не менее именно мне — делегату XXVIII съезда КПСС пришлось вместе с эстонским академиком Пальме в кабинете заведующего Отделом межнациональных отношений ЦК КПСС В.А. Михайлова писать резолюцию съезда по национальному вопросу. До сих пор убежден, что это был добротный документ, ибо сформулированная тогда впервые цель национальной политики — создание благоприятных условий для социального преуспеяния и развития культур всех народов страны — сохраняет свою действенность и по сегодняшний день. Тогда же, в 1990 г., найти эти новые слова вместо набивших оскомину фраз о дружбе народов и интернационализме было не так просто.

Затем были публичные размышления об ограничителях доктринального наследия этнонационализма, о более сложном понимании феномена нации не только в этническом, но и в гражданском смысле, о реализации прав народов не только через форму внутреннего государственного самоопределения, но и через форму экстерриториальной национально-культурной автономии, наконец, о России как о национальном государстве в общемировом понимании этого термина. Было бы неискренне заявлять, что подобные фундаментальные проблемы представлялись для меня полностью ясными, тем более по части их применимости для тогдашнего СССР, а затем для Российской Федерации. Кроме того, в диалоге политики и науки одних идей недостаточно. Речь должна идти о восприимчивости тех или иных теоретических новаций и основанной на них переоценке политической практики.

Здесь есть, как минимум, две проблемы, осознание которых пришло несколько позднее. Прежде всего слишком резкое фор-

мулирование той или иной полезной ревизии может встретить отторжение коллег из экспертного сообщества: ученые, особенно представители старшего поколения, не очень любят радикально менять свои взгляды, если они сами не участвуют в данном пересмотре и не являются его соавторами. Эту "реакцию Винни-Пуха" ("Какой-то кролик знает букву А!?") мне пришлось ощущать не один раз, в том числе и в драматической ситуации, когда, уже работая в Правительстве Российской Федерации, я написал проект концепции государственной национальной политики, против которого выступили мои ближайшие партнеры по этой сфере государственного управления из числа советников президента и руководства Верховным Советом. Г.В. Старовойтова считала, что в концепции скрывается попытка "упразднить республики". Р.Г. Абдулатипов обратился через "Независимую газету" с открытым письмом к Б.Н. Ельцину, обвинив "безнациональных ученых" и Госкомнац в попытке заменить нации на некое "согражданство". Позднее оба признали необходимость утверждения в стране понятия многоэтнической гражданской нации наряду с безраздельно господствовавшим понятием культурной нации или этнонации, но изрядную долю непонимания и упрощенного критицизма мне пришлось испытать.

В такой ситуации, когда научно-публицистическая работа содержит новое для политики слово, ее автор должен быть готов к тому, что встретит отторжение, если он не позаботился о привлечении союзников для введения инноваций, или к временному запаздыванию восприятия научных положений политиками, или даже к забвению своих взглядов и рекомендаций. Но в конечном счете ничего не пропадает даром. Даже написанное десять лет назад может пригодиться в сегодняшнем дне, если оно уже не стало общим достоянием без определенного авторства.

Момент радикальных переосмыслений был порожден не только горбачевской либерализацией, но и связан с самым драматическим событием нашей недавней истории — распадом СССР в 1991 г. и образованием новых постсоветских государств. На эту тему отечественными и зарубежными историками, политологами, этнологами уже написано немало. Едва ли кто может похвалиться, что в момент распада и сразу после смог осознать весь смысл и все последствия произошедшего. Тем более это касается написанного по следам события. Мне тоже было трудно включить в данную книгу опубликованную в сентябре 1991 г. статью под названием "Тяжело Союз сохранить, еще труднее разрушить". Но все же ее текст вошел без изменений, чтобы показать не только ограниченные возможности "научного предвидения" в стохастическом характере самого политического процесса, но и необходимость продумыва-

ния важнейших политических решений. Если первое (предвидение) действительно невозможно, то политическая импровизация просто недопустима.

Проблема поиска оптимальной формулы вновь образовавшихся государств с разделенными границами культурно близким населением остается актуальной и сегодня. Я глубоко убежден, что не только нулевой вариант гражданства, но и открытое гражданство должны были бы быть наилучшей стратегией постсоветской политики, хотя бы на десятилетие. Также я уверен, что неосуществимы варианты нациестроительства на этнической основе. Культурный плюрализм на основе двуязычия или многоязычия и принцип равнообщинности вместо формулы "нация и меньшинства" рано или поздно придет в ряд стран бывшего СССР.

Не могу судить определенно о возможности федерализации других многоэтничных государств бывшего СССР, но судьба российского федерализма была предметом моих размышлений. Как и в начале 1990-х годов, моя позиция, основанная на мировом опыте многоэтничных государств, сводится к безусловному признанию необходимости существования в России элементов этнического федерализма, а значит, его неизбежной асимметрии и содержательной подвижности. Признанное разнообразие и есть целостность и даже "единое пространство", что совсем не означает однообразие, которого хотели бы некоторые эксперты и политики.

Особое место в моей публицистике заняло освещение некоторых государственных процедур, имеющих жизненное значение для сферы межэтнических отношений. Это — вопросы переписи населения, фиксации в гражданских паспортах национальности и прописки, смены алфавитов и другие. Не верю, чтобы газетные статьи или представленные в государственные органы рекомендации ученого могли стать решающими для принятия важных государственных решений. Но какие-то подвижки происходят не без их влияния. Промежуточная перепись населения 1994 г. по моему предложению имела новый порядок вопросов о языке и о национальности, и этот порядок сохранится в предстоящей переписи 2002 г. В тоже время мне пришлось признать (не без влияния коллег по институту) невозможность отказа от "встречного" списка народов в ходе новой переписи, а также неосуществимость права граждан указывать в ходе переписи множественную этническую принадлежность.

Мой академический подход к конструктивистской природе этничности натолкнулся на мощную политическую традицию и инерцию массового сознания россиян видеть в национальности почти врожденную и неотъемлемую характеристику личности.

В этой ситуации можно будет считать шагом вперед, что в ходе переписи 2002 г. часть граждан укажет более сложную этническую идентификацию (*осетин-дигорец* или *осетин-иронец* наряду с просто *осетин* или осетинка; *мордвин-эрзя* или *мордвин-мокша* наряду с просто *мордвин* или *мордовка*). До возможности указывать такие, например, варианты, как *русский еврей*, *кубачинец-даргинец*, *цумандинец-аварец* или *русский-украинец*, как это мною предлагалось, общество и эксперты пока не созрели, а может быть, такого в России долго не будет. Осюда один полезный вывод для ученого: слишком "тонкая" наука — это головная боль для политика. Политика всегда проще, хотя и изощреннее. Наука должна быть многоголосной, иначе перестанет быть наукой. Политика, точнее власть, должна говорить одним голосом, чтобы быть эффективной.

И все же мне хочется претендовать на авторство одной из обновленческих государственных процедур — это исключение из российских паспортов графы о национальности. Ясно, что столь важное решение состоялось под влиянием общемировых демократических стандартов, но впервые вопрос был поставлен в моих статьях в газетах "Известия" и "Независимая газета", которые публикуются и в данной книге. Казалось бы, этнолог не должен выступать с подобной инициативой, ибо бытовое мышление может трактовать ее как попытку "отменить национальности" и всех сделать только "россиянами". Собственно, так и отреагировало большинство членов Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН, когда я поставил этот вопрос на обсуждение. Но моя позиция заключается в том, что этнология как наука от новой формы паспортов не пострадает, а граждане — безусловно выиграют.

Что касается национальности "россиянин", то миллионы моих сограждан уже научились писать в этой графе слово "Россия", когда им приходится получать заграничные паспорта или иностранные визы. От этого они не перестали осознавать себя татарами, русскими или башкирами, ибо опять же речь идет о двойном понимании категории "национальность": в этнокультурном и в гражданском смысле. При жизни в изоляции от внешнего мира такие тонкости национальной политики были не нужны. Сейчас они необходимы, как и замена самого термина "национальная политика" на термин "этническая политика".

Кое-что в обсуждаемых вопросах осталось дискуссионным, причем как среди ученых, так и среди политиков. Именно к такому относится вопрос о переходе с кириллицы на латиницу в Республике Татарстан. Я испытывал чувство личной неловкости перед своими добрыми друзьями и нелегкими оппонентами в Татарстане, публикуя статью "Язык и алфавит как политика", на-

печатанную ранее в газете "Труд". Но еще худшей моральной позицией была бы потакающая комплиментарность, в которой последние годы купались мои казанские коллеги в глазах зарубежных экспертов. Нежелание столичных ученых ставить неудобные вопросы перед коллегами и политиками в российских республиках и в других регионах, а тем более выступать с критикой часто объясняется опасением испортить отношения с "изучаемыми народами" или возможностью получить обвинение в неблагодарности за гостеприимство. Но в такой позиции мне видится скрытая форма унижающего патернализма, отказ в равном партнерстве. А это еще хуже. Пусть лучше будут критика и здоровые дебаты. А если невозможно прийти к общему мнению, как, например, по вопросу о реформе графики, тогда есть два выхода: через имеющиеся полномочия и правовые процедуры политики в Казани могут навязать свою волю, оставив дебаты ученым, или отложить решение вопроса на будущее. Нельзя терпеть социальную неустроенность и открытое насилие, а с графикой подождать можно, чтобы не делать поспешных и дорогих экспериментов над детьми и родителями. В любом случае самое плохое — это амбиции и излишняя драматизация, как со стороны политиков, так и со стороны ученых. Если в Татарстане перейдут на латиницу, моя статья останется приметой нереализованной позиции, к чему ученый должен быть всегда готов. Если реформа не состоится, то чувство торжества тоже не из самых лучших: воленавязывание даже через академические аргументы не может приносить полного удовлетворения.

Основная часть книги содержит работы двух последних лет, когда в моих интересах отошли на второй план метадебаты по поводу концепций и теоретических основ российской государственности, а также проблемы этнонационализма. На первый план вышли такие сюжеты, как обеспечение мира и предотвращение насилия, особенно в регионах с самой сложной этнической мозаикой (Северный Кавказ и Поволжье), проблемы, связанные с такими новыми вызовами, как экстремизм и сепаратизм. В книгу не включены статьи по проблемам чеченской войны, поскольку в 2001 г. в издательстве "Наука" вышла моя монография "Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны", в которой подведен итог научных изысканий по этой трагической и сложной теме.

Самым важным для меня в последнее время стал вопрос об оценке произошедших в России за десять лет трансформаций. Вызвано это было тем обстоятельством, что мои этнографические наблюдения серьезно разошлись с доминирующей в общественно-политическом дискурсе парадигмой кризиса. Последняя основана не только на политических или психологических мотивациях, но и на многочисленных разработках социо-

логов, экономистов, демографов, политологов, которые используют макроанализ, массовые обследования и замеры общественного мнения. Этнографический метод включенного наблюдения, будь это рязанская деревня, маленький уральский городок или московский мегаполис, а также путевые наблюдения во многих городах и регионах России тоже обладают своей проверенной легитимностью, и их достоверность может быть не меньшей, чем профессиональный социологический опрос или официальная статистика. Наблюдая с вершины Дербентской крепости размеры и материал крыш домов, махачкалинский рынок и внешний вид местных жителей, а также выслушивая конкретные жизненные истории, этнограф не может принять господствующее определение Дагестана как самого депрессивного региона, как "зоны бедности", куда некоторые наши специалисты по народонаселению зачислили весь Северный Кавказ. Жизненная повседневность и произошедшие перемены, включая новые источники доходов и новые социальные механизмы использования и перераспределения материальных благ, оказались пропущенными или намеренно незамеченными как экспертами, так и политиками. Феномен риторики жалоб как частная стратегия и как политический торг часто воспринимается как реальность, а психологическая бедность — как бедность действительная.

В своих публицистических работах последних двух лет мне пришлось вступить в серьезную полемику не только со многими коллегами, но и с представителями власти, включая и президента В.В. Путина, который во время недавней встречи с президентом Финляндии назвал Россию "очень бедной страной". Еще более вызывающими выглядят сравнения нашей страны с "Верхней Вольгой на вечной мерзлоте", которые делаются многими зарубежными экспертами по России. Мифы о "вымирании нации", о "геноциде народа", о "криминальном государстве под пиратским флагом" и даже о всеобщем "обвале" мною не воспринимаются как научные, не говоря уже об их саморазрушительном воздействии. Мой противоположный вывод состоит в том, что в России за последние десять лет подавляющее большинство населения стало жить лучше, хотя и сложнее с точки зрения приспособления к новым условиям и необходимости принимать решения. Это ни в коей мере не есть некая общественная терапия, а достаточно обоснованная исследовательская позиция, хотя и выраженная в публицистической форме. Пока такой взгляд на современную Россию выглядит эпатирующим, а некоторым моим критикам представляется поверхностным заблуждением, которое не к лицу директору академического института. Но я уверен, что и в данном вопросе у меня будет все больше сторонников.

В новейших исследованиях специалистов по современным российским проблемам все больше обнаруживается точек соприкосновения с моей позицией в оценке феномена этничности, отечественного опыта и перспектив этнической политики, существования российских трансформаций в целом. Ведущие демографы А.Г. Вишневский и Ж.А. Зайончковская также говорят о демографической катастрофе в России прежде всего как о мифе и о приоритетном значении миграции в нашу страну бывших жителей СССР из других стран. Известные социологи Л.Д. Гудков и Л.М. Дробижева обращают особое внимание на дискурсивную природу социальных реалий, особую роль элит в этнополитических мобилизациях и верхушечного конструирования различных форм идентичностей, а также массовых настроений. Философы О.И. Генисаретский и В.С. Малахов пишут о символическом производстве этничности и о феномене культурной сложности на российских материалах. Среди этнологов и социально-культурных антропологов уже выполнены многочисленные исследования, авторы которых не обременены "системными" или "компонентными" подходами к этносу и, казалось бы, неизживаемыми клише "многонациональности" и "национальной политики".

Современный научный подход в этнологическом знании, а за ним и в общественной мысли и в практике будет неизбежно утверждать свои позиции, несмотря на инерцию старой догматики и некоторые печальные рецидивы ее временного торжества. К последним я отношу недавнее введение Высшей аттестационной комиссией (ВАК) России новой научной специальности под названием "национальные процессы и институты", а также вписанное советниками в речь президента В.В. Путина слово *этнос*, когда 11 октября 2001 г. в Колонном зале лидер нации приветствовал Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом.

Подготовка данной книги осуществлялась в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макартуров (№ 00-62746) по теме "Антропология российских трансформаций". Следует заметить, что мое предыдущее обращение в один из зарубежных научных фондов закончилось отрицательным отзывом анонимного оппонента, что "лучше в России быть не может, ибо хорошо известно, что там зарплаты не платят, а мафия всевластна". Поэтому я отдаю должное решению Фонда Макартуров и выражаю за эту поддержку свою признательность. Выражаю благодарность А.С. Крыловой, Е.Е. Родионовой и О.Г. Симоновой за помощь в подготовке рукописи книги, а Н.Л. Петровой и В.М. Черемных за содействие в ее редактировании и скором издании.

РАСПАД СССР И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

НАРОД, НАЦИЯ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ*

Долгое время в советском обществознании и в политической практике господствовало и отчасти сохраняется представление о существовании в СССР "национального вопроса", который, как мы полагали до середины 1980-х годов, был "решен окончательно" или, как считаем сейчас, "решен в том виде, как он нам достался от царской России". Само понятие "вопроса" в общественном менталитете почти неизбежно связывается с установкой на его решение. А между тем сам по себе "решенческий" подход чреват тем, что не учитывает возможность неминуемого возникновения новых проблем и противоречий, заложенных в самой диалектике жизни многоэтничного государства. Не будет ли более правильным подходить к сфере межнациональных отношений и к возникающим в этой сфере проблемам как к некоей константе нашей общественной жизни, требующей гибкого и многовариантного реагирования? Это, конечно, не отменяет необходимости осуществления и в данной сфере глубоких перемен в ходе перестройки, где главными должны быть терпимость к многообразию и признание несоответствия сегодняшних доктрин и структур стремительно меняющимся реалиям.

Меня смущает назойливое подчеркивание особо деликатного и чувствительного характера так называемых межнациональных отношений. Хотя никто толком не объяснил, почему эта сфера более деликатна, чем, скажем, сфера материальных доходов, семейных отношений или состояния здоровья наших граждан. Ссылка на деликатность долгое время объясняла молчание и бездумное приукрашивание действительности, а в будущем может стать прикрытием для новых безобразий. Из-за этой установки центральные пресса и телевидение стараются обходиться "сбалансированной", минимальной и самой осто-

* Ранее опубликована под тем же названием в форме интервью. См.: Советская культура. 1989. 1 июля (№ 78) С. 3.

рожной информацией. Причем не о самих событиях, а уже о реакции на эти события. Неужели не ясно, что, если не освещаются конфликтные ситуации и трагические события, никакие запаздывающие коммюнике и отцеженные сведения не удовлетворяют общественность. Полугласность и недостаток информации, стремление дать оценочно назидательную интерпретацию приводят к ложным слухам и подозрениям, вызывают взрывную реакцию, ведут к дискредитации как средств массовой информации, так и политики Центра.

Заслуживает, на мой взгляд, критики и выражаемая средствами информации установка на научный анализ и обсуждение проблем межнациональных отношений. Что я имею в виду? Вместо того чтобы сообщать о событиях — а это является главным предназначением печати и ТВ, на страницах и на телеэкранах сплошные "круглые столы". Как отличить среди этих высказываний рациональное от неосознанно-расистских сентенций типа: "каждый человек должен нести в себе генотип своего народа", "интернационализм, всемирная отзывчивость — это генетическое свойство русского народа", или осознанно антиисторических утверждений типа: "единственная страна, не знавшая колоний, это Россия".

Много ли было пользы от четырех телепередач по вопросам межнациональных отношений, организованных обществом "Знание" весной 1989 г.? Не интереснее и полезнее ли было бы использовать телевизионное время и газетные полосы для информации о жизни и проблемах народов в нашей стране? Газеты и телевидение более года обходились информацией действительно "вокруг Карабаха", а не о самом Карабахе. Ни одного обстоятельного репортажа или очерка о жизни этого края мы так и не получили, кроме полуанонимных реплик перед заезжими микрофоном и телекамерой.

До сих пор нет настоящей информации о том, где, сколько и как живут в нашей стране российские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы. Нет журналистских репортажей из районов тесно контактирующих народов, где непросто складываются межэтнические отношения. Я уж не говорю о мечте любого зарубежного журналиста сделать репортаж из уникальных по своей этнокультурной специфике районов мира. В СССР такими районами остаются места проживания народов Севера, Горного Бадахшана, Кавказа. Повезло недавно русским старообрядцам на Аляске: в перелетевшем Берингов пролив "боинге" нашлось достаточно места для советских журналистов, красочно поведавших о своих встречах через наши газеты и ЦТ. А почему бы не съездить в Богдановский район Грузии, в так называемые Мокрые горы, где уже около 150 лет живут духоборческие общины, и не рассказать об их далеко не простых пробле-

мах? Ситуация там такова, что этот островок уникальной культуры может исчезнуть под воздействием внешних обстоятельств. Набирающие силу грузинские шовинисты даже названия основанных духоборами деревень готовы поменять.

Сейчас немало говорится о том, что идет дружный поиск концепции, некой универсальной формулы межнациональных отношений. Но вот только контуры спасительной концепции никак не проясняются. Но я считаю, что наука не должна и не может дать некую единую и цельную концепцию развития межнациональных отношений. А значит, признавая за правящей партией право на формулирование наиболее общих принципов, нельзя говорить о единой политической линии и государственной политике в данном вопросе. Это, на мой взгляд, ненаучный подход к науке и к политике, ибо он исключает разнообразие и альтернативность мнений. Индивидуальный поиск и ответственность ученых за свои взгляды и предложения заменяются эклектичными "позициями институтов" и т.п. Получается, обезличенная наука претендует на некую обезличенную сводную концепцию "научного руководства обществом" или "научных основ политики". Подобными вещами мы занимались в нашей стране десятилетиями и в итоге довели общество и обществознание до кризиса.

Видимо, все дело в том, что общество и государство не могут строиться и развиваться только по научным конструкциям, будь они в виде идеально-утопических доктрин или в формах конкретно расписанных программ. Выглядит парадоксально, но именно этот путь ближе к тупикам и катастрофам, чем путь внешне хаотического, менее регламентированного, многовекторного развития с сильными элементами саморегуляции. В последнем случае науке, ученым отводится вполне достойное место при выработке политики и принятии решений, когда сохраняются альтернативность и индивидуальность мнений.

Те понятия, которыми мы сегодня оперируем в науке и практике, не позволяют даже определить, из каких этнических или историко-культурных общностей состоит население СССР. Вот только несколько вариантов, которые наиболее часто встречаются в нашем лексиконе: "нации и народности", "народы и национальности", "нации, народности и национальные группы" и т.д. Здесь мы подходим к трудному разговору, откладывать который уже нельзя. Со сталинских времен право на разработку научных основ так называемой национальной политики принадлежало философам и представителям историко-партийной науки. Именно ими десятилетиями разрабатывалась марксистско-ленинская теория наций и национального вопроса, писались тысячи книг и брошюр, защищались десятки тысяч кандидатских и докторских диссертаций. Научной всю

эту деятельность нельзя назвать уже потому, что отсутствовал ее главный компонент — исследовательское начало, т.е. добытие нового знания.

До недавнего дня вся эта "наука" сводилась к яростному толкованию изречений классиков марксизма-ленинизма с дополнением аргументации в виде цитат из партийных документов и речей. Специалистов по национальному вопросу мало волновало и то обстоятельство, что их полувековые усилия не оказались признанными международной наукой. А ведь в мире трудятся над аналогичными вопросами сотни ученых, в том числе симпатизирующих марксизму. Этого не желало замечать высокомерное сектантство отечественных обществоведов, облаченных в непробиваемый жилет "критики фальсификаций национальных отношений в СССР". К сожалению, и в недавних передачах ЦТ за "круглым столом" по обсуждению проблем межнациональных отношений можно было услышать знакомые окрики: "Надо же знать предел!"

Коснулись все эти окрики и этнографии, судьба которой в прежние времена складывалась непросто. Родившись еще в XIX в. как наука о народах и племенах, собирающая и описывающая предметы традиционной материальной и духовной культуры, этнография в СССР в 1920 — начале 1930-х годов превратилась в этнологию ("логос" — "знание" подчеркивал аналитические, народоведческие начала науки в отличие от "графос" — "описание"). Затем последовали обвинения в космополитизме и грозные проработки. Советским этнографам вновь пришлось облачиться в этнографический кафтан XIX в., но мощная традиция, заложенная еще Н.Н. Миклухо-Маклаем и В.Г. Тан-Богоразом, в целом развивалась. Коллективы ученых в Москве и Ленинграде остались верны главному принципу — изучению народов, их жизни, культуры, прошлого на основе полевых исследований. Десятилетиями из Института этнографии АН СССР ежегодно уезжают около 50 экспедиционных отрядов в различные районы страны. И хотя в нашем многоэтническом государстве наука о народах поставлена в униженное положение (ученые ютятся по 15 человек в 18-метровых комнатах, а бесценные экспедиционные материалы заточены в подвалы), выходящие в последние два десятилетия ежегодно 25—30 научных книг сотрудников института составили советским обществоведам репутацию, за которую не стыдно по самым строгим меркам сегодняшнего дня. Во всяком случае среди изданий института нет книг с заздравными названиями типа "расцвета и сближения наций", "критики фальсификаций" и им подобных, которые выходили в те же годы.

Вглядываясь еще глубже в советскую историю, стоит вспомнить, что Ленин выдвигал наиболее радикальный прин-

цип права наций (как этнических общностей) на самоопределение вплоть до отделения и осуждал принцип национально-культурной автономии. Эта стратегия давала большевикам преимущества в борьбе за власть и сделала возможным уже под эгидой революционной государственности сохранить территории царской России. В то же время Ленин верил, что с устранением эксплуатации на основе пролетарской солидарности этнические различия, чувства и проявления будут отходить на задний план, а позже отомрут совсем. В это, кстати, верила вся левая социалистическая мысль с конца XIX в. Но конец XX в. выявил иную ситуацию. *Культурное многообразие и этнические различия сохранились независимо от социально-политических условий, а лозунг создания "национальных государств" на этнической основе не реализовался в истории.* Более того, попытки построить внутригосударственное административное деление по этническим границам оказались трудноосуществимы из-за усиливающегося смешения людей разных национальностей, развития хозяйственных связей, утверждения общедемократических гражданских норм.

В современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику гораздо чаще и успешнее через различные формы национально-культурной автономии, через развитие регионального и местного самоуправления, через общегосударственное преуспевание. Сегодня принцип права наций на самоопределение в его этническом смысле из арсенала государственной политики фактически исчез повсеместно. Это, конечно, не отменяет суверенного права народов на обретение, восстановление или упразднение любых форм государственности, но только понятие "народ" в данном случае должно прежде всего заключать в себе гражданские, а не этнические начала. У нас же изначальной категорией, своего рода материальными "архетипами" объявляются нации, но содержание этого понятия запутано.

Что такое нация? Берем в руки выпущенный Политиздатом в 1988 г. учебник под редакцией Э.А. Баграмова "Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания". На странице 15 читаем: "Итак, нация — это историческая общность людей периода становления и развития капитализма (капиталистический тип нации) или социализма (социалистический тип нации), характеризующаяся устойчивой общностью экономических связей, территории, языка и культурно-психологических особенностей".

Когда-то в Европе бытовала шутка: "Нация — это группа людей, объединенных ошибочными представлениями о своем происхождении и общей неприязнью к своим соседям". Так

вот даже в ней видится больше логики и смысла, чем в вышеприведенной цитате, кстати, повторяющей многие аналогичные определения в отечественной литературе. Ученые во многих странах все больше приходят к мнению, что дать четкое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно. Многие полагают, что *нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутригрупповое понятие, а не что-то определяемое учеными или политиками извне*. Нация является выражением общности судеб и интересов членов общества, это своего рода постоянный, неформальный, извечно самоутверждающийся плебисцит. Идея нации оформляется в элитной среде того или иного народа и как средство достижения государственного суверенитета и реализуется с достижением этой государственности. Нация и государство образуют своего рода симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная "национальная" воля. Другими словами, не среди наций рождаются "национальные движения", а, наоборот, на почве культурного и политического национализма оформляется идея нации. Не случайно, родившись в Европе в эпоху буржуазных революций и образования "национальных государств", идея нации, пройдя через этап слияния этого понятия с понятием государства, ныне явно проявляет признаки умирания. Идея столкнулась с новым этапом ломки всех государственных перегородок на западноевропейском континенте, где идет "разгосударствление" жизни гражданских сообществ. В остальных районах Земли, не испытавших прямого европейского влияния, понятия нация в общественной мысли и практике нет вообще.

Мы же вслед за "великим теоретиком" И.В. Сталиным придали понятию "нации" материальные признаки, жестко связав их с республиканским статусом и территориями. Затем стали срочно формировать "социалистические нации", составлять их перечень, закреплять его в конституции. И в результате создали ситуацию, о которой хорошо сказал Ф. Искандер: "Национализм подогревается самой структурой нашего общества, где учет национальных интересов, изначально правильный и благородный, превратился в дурную формальность".

Выдвижение в качестве приоритета расширение прав союзных республик при том, что в советской Конституции они определены как "национальные государства", на мой взгляд, не гармонизирует межэтнические отношения. Ведь есть граждане, которые не принадлежат к так называемым коренным нациям. Такую ситуацию мы уже наблюдаем в Югославии. Нет сомнений, что разрушение вертикальных бюрократических

структур и ограничение прерогатив Центра необходимы. Но это в равной мере должно касаться не только союзных, но и автономных республик, областей и округов, территориальных областей, некоторые из которых по своей численности, хозяйственному потенциалу, производимым материальным благам не уступают союзным республикам. Этот процесс должен рассматриваться прежде всего как часть процесса общей демократизации, расширения местной автономии и самоуправления.

Включение же этого процесса в контекст и даже в основу перестройки межэтнических отношений неминуемо ведет к абсолютизации фактора "национальной государственности". Последняя, кстати, никогда в прошлом, а тем более в современной ситуации сама по себе не гарантирует обеспечения прав народов, их свободного развития и, наоборот, зачастую порождает ложные атрибуты власти и престижные формы культуры для доминирующей или "коренной" в пределах данной государственности национальности.

В многоэтничных по своему составу населения республиках всегда имелась, а сейчас еще более возрастает тенденция рассматривать государственность, а вместе с этим и территорию как исключительную собственность народа, давшего название республике. В Эстонии, например, самые высокие руководители настаивают на необходимости подчеркивать, что республика является национальным государством эстонского народа, в состав которого входят собственно эстонцы как коренная нация, и меньшинства, к которым относятся русские, латыши, финны, евреи и представители других народов. Аналогичная трактовка дается сейчас и понятию "народ Латвии". А между тем едва ли согласится со статусом "меньшинства" или "некоренных" жителей (а тем более "инородцев") проживающее в пределах современной Эстонии старожильческое русское население.

В основу концепции гармонизации межэтнических отношений должен, на мой взгляд, быть положен принцип обеспечения прав народов (а не республик) на путях расширения самостоятельности регионов и мест, культурной автономии, а самое главное — последовательной гражданской демократизации, включая обеспечение специфических интересов и прав отдельной личности, обусловленных принадлежностью к тому или иному народу. Все это — вопросы огромной теоретической и практической важности, требующие сейчас самого глубокого осмысления и обсуждения, прежде чем они обретут силу конституционно-правовых норм.

О СОВЕТСКОМ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМЕ*

С голубого экрана ученые, писатели и политики внушают согражданам, кто они есть и кому должны присягать на групповую лояльность, какие у той или иной группы вековые корни и права на территорию. Правда, умалчивают о том, какой длины должны быть корни (от верхнего палеолита или от времен Екатерины II), чтобы иметь "святое право" на "исконные" территории в пределах случайно сложившихся административных границ. Привыкшие к решениям вождей граждански незрелые массы в условиях неожиданной либерализации и усугубляющейся материальной нищеты поставлены перед необходимостью определиться по членству в "нациях, народностях и национальных группах". Какой дьявольский вопрос поставили, например, ученые и политики перед жителями Бурятии: кого считать коренным народом — потомков поселившихся здесь 300 лет назад русских старообрядцев или бурятов — потомков мигрировавших сюда в начале XIII в. кочевников бурято-монгольского степного мира?

К взаимоисключающей этнической идентичности (только украинец или только русский, а не так, как Н.В. Гоголь — великоросс и малоросс в одном лице) подтолкнули записанные в конституционных нормах, многократно заявленные слова о праве нации как этнической общности на самоопределение. О праве этом стали прежде всего заботиться начинающие законодатели первого советского парламента — Съезда народных депутатов и местная партийно-чиновничья элита, заполняя новую идеологическую пустоту идеями этнонационализма. О святости этнического начала повсеместно заговорила научная и журналистская братия. Откуда все это и почему так происходит? Почему так быстро закончилась "дружба народов" и дело идет к очень серьезным спорам?

* Ранее опубликована под названием "Оставьте себе горные вершины! (Заметки о советском этнонационализме)". См.: Новое время. 1991. Июль (№ 27). С. 30 — 32.

Всему этому есть свои причины. У советского этнонационализма есть как давние, так и совсем молодые корни. Действительно, трудно забыть, что прошлое насилие носило часто избирательный по отношению к разным народам характер. Сталинские депортации и языковая русификация — одни из наиболее ярких примеров. Но немаловажно и то, что в стране отсутствовали институты демократического общества, а на уровне регионов и городов царила удушающая централизация, и для создания деловой ассоциации, банка, киностудии, театра или НИИ нужно было забраться на ступеньку "национальной государственности", избавившись от ущербного статуса "народности" или "меньшинства". Нужно было стать "советской нацией", чтобы иметь право на культурное самовыражение. В этих условиях самой понятной и легкодоступной основой коллективного действия стало так называемое национальное движение в его этническом, а не общегражданском варианте.

Ну а что же политики и интеллектуалы? Не успев вкусить подлинных академических свобод, не избавившись от претензий на научное руководство обществом, не излечившись от порочной страсти к социальной инженерии, а самое главное — не успев очистить интеллект от постулатов "единственного учения" и не пополнив его новейшим гуманитарным знанием, они охотно взяли на себя роль новых духовных лидеров. Они вычленили дремавшую в марксистско-ленинской доктрине националистическую идею и представили ее массам, воспитанным на классовой непримиримости, в качестве средства и цели демократизации. Популярность в обществе обрели писательские заклинания, прозвучавшие с кремлевской трибуны народных депутатов и с газетных полос: "нации — категории непреходящие" (Б. Олейник), "лучше умереть, чем дожить до момента, когда исчезнет твой родной язык" (В. Быков).

Как на партийном собрании, открыто и единогласно проголосовали народные депутаты Грузии за избрание президентом республики филолога и историка З. Гамсахурдиа, который завораживающе объяснил жителям Грузии: думать нужно прежде всего не об экономике Черноморского побережья или о ценах на союзных рынках, а о том, что "мост на реке Беслети близ Сухуми и ныне хранит старинную грузинскую надпись", что абхазов и грузин «связывали между собой культура "Вепхвисткаосани" и древнейшие грузинские храмы, украшенные грузинскими надписями, те, что и сегодня стоят в Абхазии». Только "враги", "агенты" и "предатели нации" готовы оставить грузинам один проспект Шота Руставели в Тбилиси.

В свою очередь, грузинский шовинизм сталкивается с не менее агрессивным абхазским сепаратизмом. Лидеры Абхазии предлагают ввести квоту — 50 процентов депутатов парламента автономной республики для этнических абхазов. Это при том, что абхазов — 19% населения. Однако казалось бы абсурдное требование срabатывает, несмотря на статью Конституции о равенстве граждан независимо от их национальности. Национализм и те, кто способен о нем громко заявить в определенных социальных условиях, обладают завораживающей силой. И уже не политики и интеллектуалы, а совсем другие люди, оторвавшись от телеэкрана или отложив газету, оказываются у того самого сухумского моста с ружейными стволами, направленными друг на друга.

Национализм и национальная идентичность, эти интеллектуальные конструкты складывались на рубеже XVIII—XIX вв. Однажды созданные, они перешли в широкий спектр политико-идеологических реалий и завоевали широкое социальное пространство. Рожденная европейскими интеллектуалами идея нации утвердилась как синоним согражданства в пределах единой государственности. В итоге во всем мире понятие межнациональных (international) отношений означает межгосударственные отношения, а понятие межэтнические отношения — это как раз отношения между народами. В СССР, наоборот, "национальные отношения" есть межэтнические, а "национальная политика" — это не политика обеспечения государственных интересов, а политика в отношении российских национальностей, или этническая политика.

Почему, отказавшись от идеи построения пролетарской державы, политики и ученые продолжают верить в другую химеру — строительство "национальных" (читай — "этнических") государств, считая, что только этнонации создают основу для хозяйственного и социального развития общества и только они дают жизнь самой государственности? Ведь нация, по справедливому замечанию Н. Бердяева, — это такая же мифологическая конструкция, как и пролетариат. Но многие ученые до сих пор не могут избавиться от влияния оформленных Сталиным в жесткие дефиниции путаных рассуждений Ленина по "национальному вопросу". Остаются в плену национализма и те, кто обосновывает и даже начал осуществлять собирание "исконных" этнических территорий (русских, грузинских, молдавских или других) под эгидой "единой и неделимой государственности", и те, кто крушат тоталитарные структуры, развешивают "национальные флаги" над нищими сельсоветами.

По крупному счету националистами остаются в своей политике не только лидеры республик, но и Центра, ибо все они — поклонники сталинского определения нации. Правда, прибал-

тийские политики, приблизившись к реализации идеи государственного самоопределения, раньше других осознали пределы и бесперспективность ее националистического варианта. Не случайно после 11 марта 1990 г. В. Ландсбергис разъяснил миру, что самоопределился народ Литвы, включивший всех граждан республики (но не литовская этнонация!). А недавно он сформулировал свое понимание нации как необязательно этнически однородной общности, а как согражданства. В Латвии объявлен отказ от паспортной фиксации национальности граждан республики. На съезде Народного фронта Эстонии началась дискуссия о необходимости пересмотра поспешного закона об официальном языке, говорилось о возможном эстонско-русском двуязычии. Отклик не заставил себя ждать: идея независимости принята, согласно последним опросам, большинством всех проживающих в Прибалтике граждан независимо от их этнической принадлежности. Эти тривиальные идеи подсказали приглашенные иностранные консультанты. Но неужели нельзя было задуматься раньше и насколько искренни эти новые установки? Не последует ли обман после возможной независимости?

В истории еще не было прецедентов, чтобы за 3—5 или даже за 10 лет миллионы людей переучивались читать и разговаривать с родного языка на язык своих соседей. Языковая агрессия, начатая интеллектуалами, поставила в еще более сложное положение миллионы граждан страны, принадлежащих к национальностям, представители которых давно перешли на русский язык. И вот уже целые народы от Чукотки до Карелии стыдливо обнаруживают себя в какой-то вновь выдуманной категории "русскоязычного населения". А это ведь многочисленные и достойные этнокультурные общности, в том числе буряты, марийцы, мордва, коми, башкиры, татары и белорусы, большинство которых дома и на работе говорят на ставшем им родным русском языке.

Пределы национализма

Некоторые специалисты, комментируя ход событий в Восточной Европе, считают, что там, как и в СССР, идет естественный процесс. "Каждый народ, каждая нация должна пройти этап самоосознания, самоутверждения, чтобы подойти к периоду самореализации"; "Отставшие в своем развитии страны Восточной Европы не смогут миновать исторического этапа разъединения, чтобы потом на новых условиях объединиться".

Откуда такой антиисторизм? Ведь к 1918 г., когда рухнули три крупные империи, на основе двух из них (Австро-Венгерской и Османской) возникли многочисленные "национальные государства". Самоопределившиеся нации получили возможность оформить свои отдельные и независимые государства на

основе этнического принципа. Сделать это было не так просто. В этих странах оказались свои собственные меньшинства. С достижением независимости восточноевропейские националисты не сделались более терпимыми к меньшинствам, чем их бывшие имперские притеснители. Трагические для человечества 30 — 40-е годы XX в., казалось бы, безнадежно дискредитировали национализм, особенно такую его крайнюю форму, как нацизм. В Западной Европе и Северной Америке утвердились общегражданские принципы организации общества с элементами согласительной демократии, обеспечивающей права и интересы культурных общностей и связанные с этим специфические запросы граждан.

Однако национализм в его этнической форме (этнонационализм) не сошел с общественной арены. Идея нации, видимо, еще долго останется мобилизующей силой для доминирующего населения полиэтничных сообществ, пока не будет достигнуто такое материальное благосостояние и такой политический строй, которые позволят без истерики делиться властью и ресурсами с "иноязычными". Пока не утвердится такая демократия, при которой группы и личность могут отстаивать свой статус и интересы, не имея родных по крови правителей. Именно тогда гражданин получит возможность обладать достоинством, которое он будет ценить выше групповой лояльности с ее облегченной жертвенностью и минимальной личной ответственностью.

Так называемые национальные движения в СССР в последние годы сыграли определенную позитивную роль, но трагедия в том, что национализм, используя этнические чувства и привязанности, прикрываясь привлекательностью лозунга о праве каждой нации на самоопределение, скоро предаст саму демократию. Общие язык и культура облегчают жизнедеятельность общественных институтов. Но трагическим заблуждением являются обыденная вера и разжигающие установки политиков и интеллектуалов, что территория и государственность могут принадлежать этносу, а его представители обладают правом на особые статус и права в гражданских сообществах. Даже если в процессе дезинтеграции СССР какой-то из "титовых наций" и удастся основательно "почистить" нынешние территории союзных республик во имя принципа типа "Грузия — для грузин!", они обрекут себя, а тем более детей и внуков на вековое враждебное окружение и моральные муки. Как правило, меньшинства в таких "национальных государствах" не отказываются от стремления к собственному самоопределению.

Как собираются нынешние лидеры привести свои республики в Организацию Объединенных Наций, объединяющую нации-государства, если в домашнем варианте они исповедуют этнонационализм, деля своих граждан на коренную нацию и

“некоренное население”, которое зачастую составляет половину, а то и большинство граждан этих государств?

Еще более абсурдны стремления политической и культурной элиты внутренних автономных образований объявить свои территории “национальными”. Какую печальную участь готовят себе, скажем, башкиры, объявляющие одноименную республику “национальным государством” и распространяя право продажи земли только на этнических башкир, а не на башкирцев (или башкортостанцев) — жителей республики! И это в республике, где большинство населения составляют русские и татары. Как можно суверенитет Татарии толковать самоопределением татарской нации, если четыре пятых татар не живут и не собираются жить в этой части страны?! О чем думали авторы одного из проектов о суверенитете Коми АССР, записывая в него пункт о том, что президентом республики может быть только коми по национальности? Неужели горняки Воркуты и их дети смиренно примут добывание угля как единственный вариант их жизненной карьеры? И, наконец, не менее тревожная форма национализма — это рассуждения политиков о необходимости самоопределения русской нации и создания Русской республики.

В каждой области, крае, республике России живут граждане, имеющие свою этническую культуру и заинтересованные в ее сохранении и воспроизводстве. *Именно через самоуправляемые региональные и местные сообщества, а не только через выгородки в виде “национальных государств” среди обезличенных краев и областей сохранится и обустроится громада России.* И, возможно, переболев национализмом, ужаснувшись от того, как легко слова и идеи, летописные цитаты и археологические надписи обращаются в кровь, захотят построить с Россией союзные отношения и ее новые соседи.

Если же национально-территориальная идея так тревожит нынешних политических пастырей и государственных лидеров от коммунистов до националистов, отдайте (лучше навечно и бесплатно) эту территорию, включая пашни, угодья, леса, этим местным сообществам и отдельному человеку. Себе же, государству, оставьте одни горные вершины (как это сделано в Норвегии, где по закону в частную собственность может быть продано все, кроме не покрытых лесом гор) и делите их на здоровье между Центром и республиками. Только в итоге такого самоопределения у человека появится то, что сделает его гражданином.

Нынешние толпы насильников выходят из коммунальных квартир и барачков. Но если у них по соседству будут пастись собственные овцы на собственном лугу и расти сад на собственной земле, они крепко задумаются, прежде чем пойдут жечь чужие дома, рушить мосты и дороги.

ТЯЖЕЛО СОЮЗ СОХРАНИТЬ, ЕЩЕ ТРУДНЕЕ РАЗРУШИТЬ*

Хотя руководители путчистов обещали не вводить чрезвычайное положение на Украине, в Белоруссии, Казахстане и республиках Средней Азии, а Янаев объявил о полученной им поддержке со стороны автономий, путч нес угрозу национальным движениям среди нерусского населения страны. "Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций" — так в "Обращении к советскому народу" путчисты определяли сложный и противоречивый процесс суверенизации союзных и автономных республик. Казалось, подобное заявление должно было вызвать тревогу у лидеров этих республик. Однако ход событий, как и водораздел между участниками этой исторической драмы, оказался гораздо сложнее.

В большинстве союзных республик основой массовых действий и политического размежевания стала национальная идея и этнонационализм в его прокоммунистическом или антикоммунистическом вариантах, исповедуемый соответственно старыми или новыми политическими элитами доминирующих этнических групп. Главный вектор политической борьбы и националистических движений был направлен по вертикали "вверх" — против русскоязычного Центра и "вниз" — против этнических меньшинств или так называемого некоренного населения. Пожалуй, только на Украине и частично в Азербайджане главными были противоречия между национал-коммунистами и национал-радикалами.

Принципиально иная ситуация в России. В этом огромном многоэтничном образовании с высокой долей одного доминирующего народа — русских общенациональная идея не получила широкого распространения. Причины? Прежде всего — многоэтничный состав того мощного слоя российской демо-

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Новое время. 1991. Сентябрь (№ 3).

кратии, который оформлялся за годы перестройки в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов и фактически возглавил процесс демократических преобразований в общесоюзном масштабе. После выборов 1990 г. в республиканские и местные органы власти и выборов президента и мэров в 1991 г. главное политическое противостояние ушло из стен союзного парламента и прошло между союзным Центром и российским руководством. Этнонациональный аспект здесь фактически не имел никакого значения и даже более того — российское руководство казалось более интернациональным, чем шовинистически настроенная значительная часть центральных структур власти в блоке с руководством российской компартии. Русский Ельцин, украинец Станкевич, грек Попов, еврей Заславский, чеченец Хасбулатов и многие другие лидеры демократии и не могли разыгрывать "национальную карту", солидаризируясь вокруг идей и принципов общегражданского суверенитета.

В тексте Декларации о суверенитете России фактически впервые появились понимание и формула национального самоопределения как самоопределяющегося согражданства — многонационального народа РСФСР. Однако процесс становления нового российского самосознания сталкивается с целым рядом препятствий.

Во-первых, достаточно громко заговорили "легитимисты", призывавшие к восстановлению легитимности дореволюционного российского государства. Среди них оказались не только русские патриоты-шовинисты, но и ученые-публицисты, писатели более либеральных воззрений.

Во-вторых, открылся мощный внутренний фронт в лице националистических движений в российских автономиях, прокоммунистическая элита которых зачастую блокировалась с центральными властями.

В-третьих, сказалась неразвитость российских республиканских институтов и атрибутов государственности, роль которых для РСФСР исполнял с момента образования Союза все тот же Центр.

Был необходим какой-то новый внешний вызов, который позволил бы продвинуть процесс российского самоопределения. И этим моментом стали события 19—21 августа. Пожалуй, впервые слова "Россия" и "россияне" обрели особую значимость и зримость, а российское самосознание — действительно национальные (не этнические!) символы: парламент (Белый дом), флаг, гвардию, жертвы и жертвенное место.

Лидеры российских автономий, где в структурах власти доминировали коммунисты, поддержали ГКЧП. Только Президиум Верховного Совета Коми ССР объявил поздно вечером 19 августа о своей лояльности законно избранной российской

власти. Выжидательную позицию заняли по отношению к хунте и лидеры ряда союзных республик, за исключением прибалтийских и Кыргызстана. Там, где лидеры и большинство депутатов парламентов составляли коммунисты (Белоруссия, Азербайджан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), ГКЧП фактически получил поддержку. Лояльность коммунистической догме, обеспечивавшая до путча власть в этих республиках, оказалась сильнее солидарности с демократией и угрозы тоталитарной реставрации.

Наибольшие симпатии, в том числе со стороны президента Азербайджана А. Муталибова, вызвало обещание не вводить чрезвычайного положения или разрешить межэтнические конфликты на основе доперестроечного статус-кво. Л. Кравчук на Украине, Н. Назарбаев в Казахстане, М. Снегур в Молдове, Л. Тер-Петросян в Армении предпочли успокоить население республик обещанным суверенитетом. Вот оценка сопредседателя социал-демократической партии России О. Румянцева: «Трудно принять как чистый и моральный тезис "главное — наш суверенитет, а остальное — выдумки Москвы, хоть бы и ГКЧП будет, лишь бы нас не трогали"». Эту ситуацию отразил народный юмор:

“Эй, Кравчук и Назарбаев,
Вас устраивал Янаев.
Не мычали, не телились,
А теперь вдруг отделились?”

В сложной ситуации оказались лидеры существующих этнотерриториальных автономий в Грузии и самоопределяющихся образований в Молдове (Гагаузия и Приднестровье). Логика противостояния властям своих союзных республик толкала их в сторону новоявленного “советского руководства”. Однако не стоит забывать, что речь идет о позициях конкретных лидеров, которые, не обладая достаточным политическим опытом и оказавшись в сложной ситуации, не смогли сразу определить позиции, отражающие настроения более широких слоев населения и политических сил. Зато демократическую Россию поддержали радикально-националистические органы власти на Западной Украине, либерально-демократическая партия в Таджикистане, движение “Иттифак” в Татарстане, активисты Народного фронта Азербайджана, Вайнахская партия в Чечено-Ингушетии и другие общественные группы и движения. Чем-то эта ситуация напоминала время прихода к власти большевиков, которые благодаря своим лозунгам освобождения и самоопределения этнической периферии получили необходимую поддержку в борьбе против сторонников “единой и неделимой” России.

Провал путча и победа российского руководства, действия Б. Ельцина, а затем М. Горбачева против руководства КПСС означали конец этой партии в Центре, а вместе с этим и катастрофу республиканских национал-коммунистов. Желание удержать власть подтолкнуло многих из них к тому, чтобы срочно избавиться от коммунистической подпорки и воспользоваться моментом паралича Центра для безоговорочного перехода на политическую платформу национализма.

Но главные события развернулись не вокруг судьбы КПСС, а вокруг вопроса об отношениях с союзным центром и Россией. Начало неожиданному процессу полного разрыва с Центром было положено еще в дни путча, когда 20 и 21 августа Эстония, Латвия и Молдова объявили о своей полной государственной независимости. Это было логическое завершение всего предшествующего политического курса руководства этих республик, опирающегося на мнение населения, зафиксированное плебисцитами в прибалтийских республиках. Что было сенсацией, так это рывок в сторону полной независимости Украины и Казахстана, а затем Белоруссии и республик Средней Азии.

В итоге почти 300 миллионов жителей СССР 6 сентября проснулись гражданами 15 новых государств. По крайней мере так были восприняты решения закончившегося в Кремле Съезда народных депутатов. *Трудно было сохранить Союз, но, возможно, еще труднее будет его разрушить.* Государства создаются людьми, решившими составить гражданское сообщество, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия своего социального существования. Еще никому не удалось выработать или умозрительно определить оптимальную форму образования государств, а тем более их упразднения. Ясны лишь некоторые примерные условия. Среди них одним из важнейших является этнокультурный фактор. Суть его в том, что существующие на Земле этнокультурные общности (народы) стремятся оформить свое бытие не только системами хозяйственного жизнеобеспечения и передачи культурной информации, но и институтами власти, в том числе в форме государства. Однако государства — это оформленные границами территории, которые почти во всех случаях не могут совпадать с границами распространения культур и языков. Государства стремятся через общие символы, доминирующие идеологические и правовые нормы конструировать общую идентичность среди своих граждан. Однако обеспечение лояльности граждан так называемых наций-государств предусматривает сохранение и уважение культурного плюрализма. Именно такие нации-государства оказываются более жизнеспособными и добиваются процветания. Старому Советскому Союзу не удалось решить эту

проблему. Удастся ли новым образованиям не повторить один трагический эксперимент в 15 уменьшенных вариантах?

По крайней мере три крупные проблемы просматриваются на горизонте новых суверенных государств.

Первая. Пока дезинтеграция произошла верхушечно, на уровне больших политических шахмат, в итоге усилий интеллектуалов, политиков и общественных активистов, сумевших увлечь за собою большинство. Но этого явно недостаточно для того, чтобы составить базу новых независимых государств. Размеры территорий, обладание ресурсами здесь не столь важны, как уверенность населения в своем выборе. А что если крупные массивы компактно проживаемых граждан заявят об ином выборе? Готовы ли те, кто на основе права на самоопределение обрел независимость, дать такое же право на автономию другим осознающим свою отличительность группам? Например, венграм, болгарам, карпато-русинам на Украине, абхазам и осетинам в Грузии, корейцам и уйгурам в Казахстане, талышам и лезгинам в Азербайджане и так далее.

Список этот гораздо длиннее, чем подозревают политики, ибо этничность имеет свойство рождаться заново, оформляться на региональной основе или на основе общей исторической традиции. *Если общество поощряет не свободу и развитие культур, а этнонационализм в виде создания для каждой из групп своих государств, движение за самоопределение, за которым стремление обеспечить доступ к власти и избежать неравного статуса, будет продолжаться бесконечно со стороны тех, кого в новых государствах хотят квалифицировать как "этнические меньшинства".*

Вторая. Статус меньшинств никак не будет принят "сколками" с крупных народов, которые составляют в отделившихся государствах иногда многомиллионные массы. Прежде всего это касается русских, 6,5 млн которых проживает в Казахстане, составляя большинство в шести областях этой республики, и 11,3 млн на Украине, где они находятся главным образом в сложной по составу и смешанной по культуре зоне русско-украинского пограничья и преобладают среди населения Крыма. Такая же ситуация характерна для украинцев в России, в Молдавии и в Белоруссии, для русских в Латвии и Эстонии, не говоря уже о грозной чересполосице в среднеазиатском регионе, особенно узбекско-таджикском пограничье. Статус меньшинств для этой части населения невозможен потому, что они есть такие же автохтонные жители новых образований и рядом, за государственной границей пребывает основное ядро их собственного народа. В этих случаях очень вероятно, особенно при неблагоприятных социальных и культурных условиях, возникновение так называемого ирредентизма, т.е. движения за

воссоединение с братьями. Это обычно самая грозная причина и форма межэтнических конфликтов.

Ирредентизм уже наблюдается среди части русских в Эстонии, украинцев и русских в Приднестровье. Но он может обрести силу в таких регионах, как Северный Казахстан, Восточная Украина и Крым (среди русских), Западная Россия (среди украинцев), для которых успокаивающие визиты А. Собчака и А. Рудкого в Киев и Алма-Ату и верхушечные договоренности ровным счетом ничего не значили.

Массовые миграции и переселения здесь не помогут, как и другие силовые методы. Пересмотр, вернее уточнение границ (никак не территориальные претензии, ибо речь идет о желании части граждан в отношении территории собственных государств), может быть единственным, хотя и очень сложным, путем решения конфликтных ситуаций. *Но есть более верный и гарантированный путь утверждения основ новой государственности — это признание равнообщинного характера населения ряда новых стран, в том числе и прежде всего через официальное двуязычие (украинско-русское, молдавско-русское, латышско-русское, казахско-русское, узбекско-таджикское).*

Третья. Это вопрос о судьбе многочисленного, порой более влиятельного, чем политики, интернационального по составу слоя образованной гуманитарной и технической интеллигенции в Центре, рекрутированного из народов всех республик, особенно Украины, Грузии, Армении. Завтра десятки, если не сотни, тысячи талантливых, широко известных, высокообразованных людей утратят ставшее для них привычным и жизненно важным социально-культурное пространство советской страны. Их этническая (историческая) родина будет за рубежами России, а гражданство и общественный статус должны будут обеспечиваться в независимой России в условиях уже безусловно доминирующего русского окружения?

Национализм среди самого крупного народа страны — русских был до этого менее развит, чем среди других народов. После образования суверенных государств русские среди всех других аналогичных по численности народов мира (свыше ста миллионов) окажутся в явно невыгодном положении, когда значительная территория их расселения окажется "зарубежьем" или станет землей суверенных российских автономий, тоже мечтающих хотя бы денек побыть независимыми. *Рост русского национализма и движение за самоопределение русской нации вполне могут разделить логику развития аналогичных процессов среди других народов.* Обо всем этом есть смысл задуматься, чтобы уйти подальше от путча и избежать более масштабного насилия.

"СМЕРТЕЛЬНЫЙ ГАМБИТ" НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*

Существуют две точки зрения — два объяснения распада СССР. Одни ученые, публицисты и политики считают, что реализовалась историческая закономерность, через которую неизбежно прошли все прошлые империи, а именно — нации осуществили свое право на самоопределение, как это сделали 200 — 100 или 50 лет тому назад все основные народы мира, создавшие собственные национальные государства, кроме тех, кто оказался в "социалистическом лагере". Другие полагают, что произошла грандиозная и безответственная политическая импровизация в силу ложно понимаемых идей свободы и демократии, а также в угоду амбициям суперлидеров и политиков. В итоге было покончено не только с тоталитарным режимом, но и с тысячелетней государственностью, и тем самым совершен еще один трагический эксперимент без будущего. Оба объяснения мне представляются упрощениями.

Все самоопределившиеся в разные эпохи и ныне существующие государства мира имеют сложный состав населения, и в этническом смысле народы не прошли и не собираются проходить стадию "национального самоопределения". Так, англичане входят в состав британской (а не английской) нации и живут в государстве, которое называется Соединенное Королевство Англии, Шотландии и Северной Ирландии. В Испании самоопределились не испанцы, а несколько этнических групп — кастильцы, каталонцы, баски, которые и образуют народ Испании, или испанскую нацию. Автономизация (федерализация) Испании после режима Франко произошла главным образом на основе региональных культурно-исторических традиций.

Консолидация в единый народ чаще всего происходит после образования государства. Не нации создают национальные государства, а, наоборот, идея нации рождается среди народов

* Ранее опубликована под названием «На перепутье. "Смертельный гамбит" национальной политики». См.: Независимая газета. 1992. 7 февраля (№ 25). С. 5.

(необязательно культурно однородных) как политическая программа для создания суверенных гражданских обществ, и уже государства создают нации, т.е. осуществляют процесс "нациестроительства".

Именно такое понимание заложено и в международно-правовую практику и соответствующие международные документы по вопросам о праве на самоопределение. Ни в одном из этих документов понятие "народ" не трактуется как одна этническая общность, в них нет выражения "право нации на самоопределение", ибо нации — это уже самоопределившиеся образования. Если бы принцип права на самоопределение для этнонации был бы заложен в мировую политическую практику и в конституции таких государств, как Индия, Китай, Нигерия, Индонезия, то эти государства прекратили бы свое существование по причине этнического сепаратизма.

В то же время этническая общность является важным элементом в жизнедеятельности государства, хотя не определяет ни сам факт его возникновения, ни внутренние принципы устройства. *Этничность — это сложный социальный феномен, своего рода постоянный внутренний референдум, индивидуальный выбор на лояльность или принадлежность к той или иной культуре или к нескольким сразу.* Там, где государство и доминирующая общественная среда преследуют интересы и цели представителей одной культуры или одной этнической общности, тем самым сужая или даже уничтожая возможности для носителей других культур в едином политическом образовании, там возникает стремление со стороны "других" устранить эту угрозу, изменить условия, в том числе через образование защитных механизмов в форме "собственной" государственности. Так формируется этнический сепаратизм, который в современных условиях проявляет себя достаточно сильно, в том числе в развитых демократических обществах.

Примеры франкоканадцев, басков, шотландцев, ирландцев, валлонов, не говоря уже о сикхских и тамильских сепаратистах, довольно часто приводятся в качестве аргумента о неодолимости стремления народов к национальному самоопределению. Но это скорее свидетельствует об обратном. Из трех тысяч народов Земли те немногие, а вернее, часть лидеров и активистов сепаратистских движений, которые пытаются осуществить вариант политического отделения десятилетиями, а иногда столетиями, этой цели, как правило, не достигают — ни через войну, ни через терроризм, ни через демократические процедуры. И главная тому причина — неспособность мобилизовать вокруг своей программы большинство соплеменников, которые предпочитают совместную жизнь и отстаивание своих интересов в более крупных многоэтнических образованиях.

Единство, цельность и сила государства с культурно сложным составом населения обеспечиваются прежде всего через создание и внедрение в общественную жизнь общегосударственных символов, ценностей и чувства общегражданской лояльности, в том числе патриотизма, т.е. чувства единой Родины. Важное значение имеет общая установка граждан и государства на уважение ценности культурных различий и плюрализма и на необходимость совместного проживания и сотрудничества граждан разного этнического происхождения.

Какой же вариант был предложен марксистской доктриной и осуществлен большевистским экспериментом? А избран был вариант этнического национализма, который трактовал нации как этнические общности и был одно время особенно популярен среди восточноевропейских социал-демократов. И хотя марксизм провозгласил себя интернационалистской доктриной, Ленин достаточно хорошо понимал политический потенциал этнонационализма для свержения царизма и победы над своими противниками, выступившими за "единую и неделимую" Россию. Сталин вскоре затвердил это понимание железной формулой, что есть нация, увязав воедино территорию, общность хозяйственных связей, язык и психический склад, оформленные "собственной" национальной государственностью.

Со временем лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения превратился на многие десятилетия в декларацию, но этнонационализм составил основу общественной теории и государственно-правовой практики. Советский режим и его обществоведы изобрели понятия "социалистического федерализма" и "национальной (читай этнической) государственности", на основе которых была создана псевдофедерация национальных государств и иерархия так называемых национально-государственных образований. Огромные материальные и интеллектуальные ресурсы были затрачены, начиная с политики "коренизации" 1920 — 1930-х годов вплоть до брежневских времен, на так называемое национально-государственное строительство, политику "расцвета и сближения наций".

Этничность была институционализована через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиках, через систему преференций и квот на образование, профессиональный и административно-управленческий персонал. Престижными символами национальной государственности стали республиканские конституции, гербы и гимны, управленческие институты, творческие союзы и даже наука в лице республиканских академий. Через систему обязательной регистрации этнической принадлежности ("национальности") во

внутренних паспортах национальность стала своего рода социальной характеристикой. По ее параметрам строилась стратификация общества в республиках, на нижних ступенях которой оказались многочисленные "двойные меньшинства" внутри республиканских автономных образований.

За годы советской власти сформировалась мощная партийно-чиновничья и интеллектуально-профессиональная элита, своего рода компрадорский средний класс, через который и осуществлялась система непрямого унитарного управления, обеспечившая политическую власть КПСС и экономическую централизацию. "Ленинская национальная политика" преследовала цель не столько обеспечить развитие и благосостояние народов, сколько служить одним из столпов тоталитарной системы. Это был "смертельный гамбит": на декларативном и элитном уровнях поощрять национализм и комплиментарные по отношению к "нациям и народностям" установки, а в повседневной реальности душить самостоятельность, уничтожать тех, кто поверил в эти декларации.

Для политиков этнический фактор часто служит разменной картой как в большой геополитической игре, так и в индивидуальных устремлениях. Достаточно вспомнить Сталина, расширявшего границы СССР под предлогом собирания "исконно украинских территорий" (вот уж кто должен быть главным героем для украинских националистов!), или поведение союзных народных депутатов, пекущихся с кремлевской трибуны каждый о своей нации. Для многих интеллектуалов, особенно для деятелей культуры и ученых-гуманитариев, этничность, язык и представление о культуре и о прошлом — это не просто жизненная среда, а форма профессиональной деятельности и карьеры. Осознанно или неосознанно они выступают глашатаями идей национализма и мобилизуют вокруг них людей. Для широких масс и даже для целых народов, особенно небольших и компактно проживающих, где легче осуществляются коммуникация и пропаганда лидеров, этничность и "национальная идея" в условиях социальной дезориентации стали самой понятной и легкодоступной основой коллективных действий.

После распада Союза этнонационализм и лозунг о праве наций на самоопределение выглядят, на первый взгляд, триумфаторами. Бесспорен их вклад в разрушение существовавшего режима, в некоторые стороны демократического обновления. Но, как это часто и бывало в истории, национализм легко предает демократию и оборачивается махровым безобразием. А самое главное — он так же нереализуем, как и коммунистическая идея. После Союза возникло не 15 национальных государств, а многоэтничные политические образования, которым

предстоит делать исторический выбор, а именно вместо самоопределения этнонаций строить государства-нации, т.е. многоэтнические гражданские сообщества.

Наиболее трудно вопрос нациестроительства стоит перед Россией. Здесь уже существует оформленная статусом и границами та самая по-советски скроенная этническая государственность, и ее демонтаж в губернское управление нереален. Так же, как и нереальна явочная сецессия по причине противодействия подавляющего большинства населения страны и достаточно твердых на этот счет позиций федеральных властей. Но гибкий и более свободный федерализм с высокой степенью самоуправления для региональных образований крайне необходим. Россия слишком велика и не обустроена, чтобы пытаться всем управлять из нового Центра.

Этническая чересполосица заставит проводить политику терпимости и культурного плюрализма не только в российских республиках, но и в краях и областях (а возможно, в более крупных образованиях — землях или округах). В некоторых из них, считающихся "территориальными субъектами", нужны не менее крупные защитные меры по отношению к гражданам разных национальностей, чем они есть в республиках. Доля татар в Свердловской, Ульяновской и Пермской областях выше, чем доля карелов в Карельской Республике, и они такие же автохтонные жители, что и русские. И то, что интересы карелов оформлены государственностью, а части волго-уральских татар — нет, все это есть по большому счету исторический случай.

Официальное двуязычие (или троязычие), культурные программы и подход к самоопределению как к возможности участия граждан разной культуры в более широком политическом процессе будут необходимы во многих регионах России. А для малочисленных народов и для русского старожильческого населения Сибири и Севера, сохраняющих в значительной мере традиционные системы жизнеобеспечения (оленоводство, охота, рыболовство), нужны будут особые правовые исключения в вопросах использования земель и ресурсов вместо формальных автономных округов, на территории которых гуляет заезжий хозяйственник, а местные власти от имени аборигенов умело разыгрывают карту суверенизации.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ*

В России на смену политическим импровизациям в области национальной политики должна прийти более ответственная программа действий. Становление обновленной государственности и будущее россиян зависят сегодня не только от экономических реформ, но и от способности политиков и интеллектуальных лидеров предложить приемлемую концепцию этнокультурного развития на федеративной основе. Субъектами национальной политики, по моему убеждению, должны быть не столько республики и автономные округа, сколько граждане и народы как носители отличительных культур. А российское государство, провозгласив суверенитет от имени "многонационального народа", должно отстаивать интересы и права коллективных общностей и граждан независимо от их этнической и расовой принадлежности. Цель национальной политики — обеспечить условия для сохранения и развития культур народов, их благосостояние и взаимобогащающее партнерство.

Это касается всех народов страны, причем не по официальному списку, а по тому, кем представители той или иной этнической общности сами себя осознают. Граждан разных национальностей могут отличать хозяйственный и культурный тип, язык, религия, наконец, само чувство этнической принадлежности. Нет особого смысла в споре, составляют ли, скажем, отдельную общность казаки или сибирские татары. Гражданин может чувствовать себя принадлежащим к нескольким культурам одновременно или оказывать той или иной из них предпочтение в зависимости от жизненной ситуации. Это личное дело любого россиянина. Власти не могут выступать в роли социального инженера, поощряя или подавляя волеизъявление личности, в каких бы формах оно ни выразилось. Думаю, что не дело

* Статья написана в марте 1992 г. для газеты "Известия", была даже набрана, но не опубликована.

правительственных чиновников подсчитывать, сколько "наций и народностей" живет в республике, крае или области. Незаконной должна быть сама процедура фиксации государством этнического самоопределения личности. Достаточно того, что человек признает себя гражданином России. Люди вправе относить себя к определенной общности или к нескольким одновременно.

Существование народов и их развитие зависят от многих условий: территории, ресурсов, социальной структуры, демографического, хозяйственного и культурного воспроизводства, группового самосознания, включая символы и атрибуты единства и отличительности. В таких многоэтнических государствах, как Россия, этнические общности стремятся достичь автономии того или иного уровня, и самая трудная проблема государственной политики — найти формулу общественного договора, увязывающего интересы и права трех участников исторического действия: отдельного гражданина, этнической общности и государства. Даже в богатых и зрелых сообществах интересы эти часто вступают в противоречие и доходят до конфликтов.

Спасительной может быть для нас формула единства в многообразии: Россия и гражданская общность россиян основывают свою целостность, создавая государство, децентрализованное на принципах федерации, а также административной и культурной автономий. При том, как Россия с ее краями и областями не есть государство только одних русских, так и каждая из входящих в ее состав республик не есть государство одного из народов. Республики создаются не для того, чтобы провозгласить их территорию принадлежащей только одному "коренному народу", а всех остальных поставить в приниженное положение и ограничивать их в гражданских правах.

Политика культурного плюрализма на двуязычной или многоязычной основе наиболее перспективна для обновленной Российской Федерации. В рамках этой политики и может рассматриваться сам принцип самоопределения, понимаемый гораздо гибче и богаче, чем это делают нынешние политики национал-радикального толка. Это прежде всего право на широкое и справедливое участие представителей каждого народа в общем политическом процессе, в экономическом и культурном развитии государства. В российских правящих структурах должны быть шире представлены граждане разных республик и разных национальностей Поволжья, Сибири, Северного Кавказа и других регионов. Через авторитетных носителей разных культур федеральные власти смогут рассчитывать на более успешное осуществление этнокультурных проектов

и программ, особенно, если они идут от самих общин, местных властей и организаций.

Культурный плюрализм и официальное многоязычие стоят дорого и требуют преодоления психологических стереотипов. Это на порядок труднее и дороже, чем напечатать тексты деклараций о суверенитете и развесить национальные флаги и другую символику. Но нынешние межэтнические отношения в России столь серьезны, что стоит не поскупиться на действенную национальную политику.

Федеративный договор, а также предстоящее принятие новой конституции совершат желаемый прорыв к децентрализации и к закреплению объявленных ранее суверенитетов. И федеральные органы должны быть готовы к более решительным уступкам в рассредоточении власти, к отказу от средств давления, к отзывчивости на требования легитимных республиканских лидеров и влиятельных общественных сил. *Новой России предстоит утверждать азбуку демократии на языке разных культурных традиций. Но у подлинной федерализации есть безусловный предел — это сохранение целостности страны и обеспечение безопасности граждан.*

В сегодняшней жизни имеются и своего рода чрезвычайные обстоятельства. Предложенный в политической горячке Законом о реабилитации репрессированных народов принцип возврата к территориальному статусу 1940-х годов оказался крайне трудно реализуем. Не учли при этом и тех многочисленных изменений границ, которые произвольно вершились в 20 — 30-е годы. За послевоенные полвека сложилась новая демографическая и социально-культурная ситуация на территориях, с которых была осуществлена депортация. И нынешнее поколение живущих на них граждан не должно нести бремя страданий за преступления сталинщины. *Исправление исторических несправедливостей невозможно через новые несправедливости.*

Предлагаемые же лидерами и движениями депортированных народов хирургические меры восстановления справедливости носят хотя и по-человечески вполне понятный, но все же нетерпеливый и жесткий характер, предполагающий перемещения людей и перекраивание границ. В условиях экономического кризиса, инфляции, нехватки жилья и работы новое переселение тысяч семей равносильно стихийному бедствию. По крайней мере тщательной экспертизы и продуманных планов проведения этих мер нет.

Узел острейших проблем сложился и вокруг новой российской диаспоры. Миллионы россиян после распада СССР оказались за границей. А в России остаются жить украинцы, армяне, казахи, азербайджанцы, грузины. И самое главное сегодня — предотвратить массовое перемещение людей. У государств —

наследников СССР для этого просто нет средств. Трагический пример "обмена" населением между Арменией и Азербайджаном должен чему-то научить безответственных энтузиастов. А потому нам всем — нынешним лидерам, государственным службам и общественности необходимо стремиться к договоренностям о полном равноправии граждан всех национальностей на территории государств, вышедших из СССР, а затем претворять эти договоренности в жизнь под общим контролем. Иначе у нас долго не будет ни политической, ни экономической стабильности, ни гражданского мира.

Правительство и общественность должны поддержать у зарубежных соотечественников стремление и способность добиваться осуществления своих интересов и политического представительства в новых для них общественных условиях. Эта установка должна распространяться и на русских в российских республиках, так же как и на выходцев из республик, живущих в других образованиях России. Пока же чаще бывает так, что привыкшие к комфортному статусу русские скорее склонны к панике, обвинениям и отъезду, чем к политическому соперничеству и конкурентному сотрудничеству. Именно последний вариант, а не массовый исход был бы наиболее оптимальной жизненной стратегией.

ПОЛИТИКА МНОГОКУЛЬТУРНОСТИ*

Как и во всех государствах мира, в России проживают граждане разной этнокультурной и религиозной принадлежности. Советская идеология и политическая практика при всей ее интернационалистской оболочке насаждали взаимоисключающую этническую идентичность граждан. Делалось это как через официальную регистрацию этнического происхождения по одному из родителей (на личностном уровне), так и через систему "национально-государственного" административного устройства (на коллективном уровне). Повышению роли этнического фактора в общественной жизни страны способствовали не только политика создания и поддержки престижных институтов национальной государственности и местных элит, но и репрессивные акции прошлого режима в отношении граждан по этническому признаку. Через травму депортации, дискриминационные ограничения и спецотметки в паспортах люди постоянно помнили, что они немцы, чеченцы, крымские татары и т.п.

Межэтническую напряженность в России вызывают неравный статус граждан разной этнической принадлежности и неодинаковые условия для развития культур в обществе, где доминирующие позиции принадлежат этническому большинству в лице русских на общероссийском уровне, а в большинстве российских республик — так называемым титульным национальностям. *В современной ситуации этничность помимо культурной функции стала играть важнейшую роль как средство терапии от пережитых травм, как механизм политической мобилизации граждан, как оружие борьбы за власть и за доступ к ресурсам.*

На основе этнического фактора образуются политические коалиции разного уровня, продолжает строиться часть права и государственных институтов, осуществляется социально-эко-

* Ранее опубликована под названием "Россия как национальное государство". См.: Независимая газета. 1994. 26 янв. (№ 15). С. 1, 3.

номическая политика, происходят межгражданские распри и организованное насилие вплоть до этнических чисток, а также развиваются на массовом уровне нетерпимость и негативные стереотипы. Этнический национализм обостряется многими сегодняшними проблемами, в том числе социально-экономическими трудностями, медленной децентрализацией власти, а также рядом психологических факторов, связанных с воздействием на людей глубоких и резких геополитических трансформаций.

Этнонационализм есть политическая реальность, которую невозможно игнорировать и трудно демонтировать, ее нужно научиться понимать, нейтрализовывать негативные стороны и использовать в позитивном направлении. Но самая главная проблема — это найти приемлемую формулу нового государства и научиться управлять многоэтничным обществом, каковым была и останется Российская Федерация, как и все другие государства постсоветского пространства.

Помимо экономической базы основу любого государства составляют территория, гражданство, общие символы и ценности, а также конституционно-правовой строй. Некоторые из этих аспектов российского нациестроительства до сих пор не получили должного внимания и развития. В этом направлении необходимы следующие действия:

— Четкие заявления российского руководства в пользу конституционного положения о целостности и неотчуждаемости территории государства и получение подобных заявлений и межгосударственных констатаций, особенно со стороны крупных держав (США, Германии, Франции, Турции и других). Отсутствие таких заявлений и некоторые реверансы в пользу сепаратистских проектов в России вселяют ложную надежду на их признание международным сообществом.

— Срочное оформление российского гражданства на основе новых паспортов, причем паспортов единого образца и единственно дающих право на признание гражданства России в зарубежных государствах. Выдача таких паспортов без указания этнической принадлежности должна быть осуществлена прежде всего в регионах, где местное руководство проводит линию на отчуждение граждан от их общероссийской принадлежности. Ложная экономия на использовании бланков бывших советских зарубежных паспортов была лучшим подарком для сепаратистов: важное право иметь признаваемую в мировом сообществе государственную принадлежность и право получения заграничной визы оказались не связанными с признанием гражданства России.

— Необходимо более широкое распространение в обществе государственной символики, прежде всего герба и гим-

на. Но наряду с официальной символикой и историческими ценностями не менее важны новые символы и ценности государства, связанные с сегодняшним днем и перспективами, в том числе символы законности, гражданской ответственности, жизненного успеха, стиля и образа жизни и т.п. Создание общеразделяемых символов и ценностей — результат совместных усилий властей и народа, и эти усилия должны уважаться и поощряться.

Общенациональной идеей и основанной на ней политической стратегией должна быть формула "единства в многообразии" как фундамент многоэтнического общества и внутренней политики культурного плюрализма. Строительство общероссийской гражданской нации и культивирование чувства принадлежности к общности россиян не исключают, а включают в себя уважение и поддержку прав российских национальностей на индивидуальном и коллективном уровнях. Это прежде всего — справедливое политическое представительство и свободное развитие этнических культур, языков, образа жизни, право на контроль за средой обитания и на выбор систем хозяйствования и общественного управления.

Россия — это национальное государство россиян, в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством. Государственность России и составляющих ее субъектов строится прежде всего на общегражданской основе, но учитывает этническую мозаику страны и отличительный культурный облик населения ее отдельных территорий. Это находит отражение в культурных институтах, хозяйственной и социальной политике, но не дает повода для претензий со стороны представителей какой-либо одной этнической группы на исключительный контроль институтов власти и территории. Самоопределение России осуществлено от имени ее многоэтнического народа, а внутреннее самоопределение должно происходить по воле всего населения субъекта Федерации или на экстерриториальной основе.

Одобренная Конституция РФ зафиксировала, возможно, не самое оптимальное федеративное устройство, отразив прошлые политические реальности и волю нынешних местных бюрократий, но она вполне позволяет провести подлинную федерализацию, суть которой состоит в рассредоточении полномочий власти и в устранении источников напряженности, концентрирующихся вокруг какого-либо одного центра. *В многоэтнической России федерализм необходим не для того, чтобы наделить этнические группы "своей" государственностью, а чтобы сделать институты власти и службы государства бо-*

лее близкими и более чувствительными к запросам и интересам различных по культуре групп, живущих в одном государстве. Какие настоятельные меры по утверждению федерализма необходимы на данном этапе?

– Введение системы отдельных федерального и региональных налогов, которая позволяла бы формировать бюджет содержания федеральных органов власти и служб и бюджет территориально-государственных образований. Строгая экономия и сокращение средств на содержание федеральных служб, центральных органов власти. Полезную роль в этом могла бы сыграть президентская кампания деbüroкра-тизации и экономии ресурсов на центральное управление.

– Передача властных полномочий регионально-республиканским структурам, что не ослабит Центр, но снизит на него давление и уровень требовательных ожиданий. Ограничителем для всевластия региональных элит должен быть не только Центр, но и сильные местные органы самоуправления. Расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ дает возможность более успешно решать значительную часть проблем межэтнических отношений, а также задачи сохранения культурных традиций. Этнические конфликты чаще всего произрастают из местных проблем. Эскалация происходит от неспособности низовых властных структур предотвратить их по причине недостаточного опыта, ограниченности прав и скудости ресурсов. Необходимо принять новый закон о местном самоуправлении, организовать широкое обучение и профессионализацию управленцев и политиков районного и общинного уровней, способных заняться повседневными обустройством и запросами граждан.

– Федеральному Центру и субъектам РФ поддерживать на конкурсной основе разнообразные местные программы и проекты, в том числе в области сохранения и развития этнических культур на уровне отдельных общин локального и экстерриториального характера. Местные инициативы в конечном итоге эффективнее глобальных общегосударственных программ, сочиненных чиновниками и специалистами Центра. Задача федеральных властей – обеспечивать гласность и контроль выделяемых средств и оказывать содействие в профессиональной подготовке местных исполнителей.

– Придать федеральному Центру мультикультурный характер, что включает расширение представительства нерусских национальностей в государственных структурах, создание образовательных институтов на языках наиболее крупных нерусских народов и государственных служб переводов, а также специальных программ вещания и изданий, которые обслуживали бы культурные запросы граждан независимо от

мест проживания по всей территории России. Важным элементом для социальной мобильности, жизненного успеха и удовлетворенности граждан нерусских национальностей в России является гарантированная возможность овладения русским языком, которая стала сужаться в последние годы под националистическим влиянием. Двужычие и многокультурность должны стать приоритетными личностными характеристиками как можно большего числа россиян и основой политики в области образования, культуры и информации.

— По аналогии с экологической экспертизой ввести в России службу этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, поскольку почти все важнейшие государственные решения в сферах политики и экономики в той или иной мере должны учитывать состояние межэтнических отношений. Расширять знания в области этнических проблем, способствующих разрешению конфликтов. Предотвратить поднятие на уровень официальных деклараций и правовых норм мифов, стереотипов и узкоэтнических ориентаций националистических лидеров и активистов.

Поскольку меньше половины представителей нерусских народов проживает в пределах этнотерриториальных образований и более половины населения республик и округов составляет нетитульное население, даже самая радикальная суверенизация этой части субъектов федерации не касается интересов и прав, связанных с принадлежностью граждан к этническим общностям. Многоэтнический характер имеет и население многих российских краев и областей, в том числе почти всех крупных городов. Государственная политика в этой области должна проводиться по всей территории страны, и ее субъектом должны быть все национальности независимо от характера расселения и имеющегося политического статуса. В этой ситуации наиболее глубокой и действенной формой реализации политики в отношении российских национальностей как на федеральном, так и на региональном уровне является экстерриториальная культурная автономия. Практически все многоэтнические государства мира используют этот институт или как основной (в случае отсутствия территориальных автономий), или как дополняющий систему федеративного устройства и механизмы распределения власти в рамках демократии согласия. Для преодоления длительно насаждавшегося неприятия национально-культурной автономии (НКА) необходим ряд мер и программ по ее реализации:

— Разработка на основе отечественного и мирового опыта и международно-правовых документов политической доктрины НКА, наполненной современным содержанием, выходящим за рамки узко понимаемых культурных и фольклорных

параметров. Одним из ее главных направлений должна быть поддержка и развитие различных форм общественно-политической организации российских национальностей и отдельных общин, обеспечение политического влияния и властного представительства на экстерриториальной основе. Законодательное закрепление основ национально-культурной автономии: статуса государственно-общественных и культурных ассоциаций, обществ, землячеств, центров по управлению делами этнических общин, их прав на участие в выборах, на представительство в органах власти, законодательную инициативу, хозяйственную, культурную и международную деятельность.

– Реализация по всей территории РФ на федеральном, республиканско-региональном и местном уровнях программ по сохранению и развитию народных традиций и культуры, созданию этнокультурных центров, отделений и групп в системе просвещения и образования, по организации печати, радио и телевидения на родных языках. Учреждение в Москве на базе бывшего Дома дружбы или Парламентского центра Дома народов России под эгидой Госкомфедерации, который служил бы федеральной и столичной базой для общественно-политической и культурно-просветительской деятельности этнонациональных организаций.

– Наделение общин и ассоциаций правом владения собственностью, правом на культурно ориентированную хозяйственно-предпринимательскую деятельность, различные формы общественного самоуправления, организацию образовательного процесса любого уровня, собственные информационно-издательские и культурные учреждения и институты, общественные фонды, разнообразные связи с родственными этническими группами в России и за рубежом.

– Проведение политики НКА не столько через верхушечные постановления, центральную бюрократию и этнократическую элиту, сколько через низовую инициативу, самоорганизацию и заинтересованность рядовых членов группы. Формируемые на основе такого подхода программы более адекватны реальным потребностям граждан. Они гораздо эффективнее, ибо задействуют не только волю, но и ресурсы, в том числе материальные, самих общин и отдельных граждан. Отбор и финансирование таких программ и проектов на конкурсной основе может составить одну из основных форм деятельности Госкомфедерации, Минкультуры и некоторых других министерств и ведомств.

Межэтническая напряженность и конфликты существуют во многих странах. Не стала исключением и Российская Федерация. Трудноразрешимые противоречия и конфликты

не являются неизбежными и не predeterminedены самой природой этничности и фактом сосуществования различных национальностей в рамках одного государства. В России сохраняется достаточно высокий уровень межэтнической терпимости и сотрудничества, что находит отражение в широком распространении смешанных браков, интенсивных культурных взаимовлияниях, отсутствии территориальной сегрегации, высокой социально-профессиональной мобильности и конкурентоспособности представителей различных национальностей. Напряженность и конфликты возникают прежде всего на фоне социально-экономических трудностей и глубоких геополитических и ценностных трансформаций, которые переживают граждане бывшего СССР.

Этнические чувства используются политиками и активистами общественных движений в различных целях, а этническая мобилизация рядовых членов групп достигается там и тогда, когда для этого существуют определенные условия. Среди последних — это прежде всего существующая или вновь возникающая социальная дифференциация по этническим границам, неравный доступ к власти, правовая и культурная дискриминация, пропаганда ксенофобии и негативных стереотипов. В ходе экономической реформы агрессивность молодого предпринимательства при слабом государственном контроле и недостаточной гражданской культуре ведет к переэксплуатации природных ресурсов и наносит ущерб среде обитания отдельных народов, особенно сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения. Предметом разграбления или неравного товарообмена становятся культурные ценности, продукты художественных промыслов и ремесел и ценные ресурсы ряда народов.

Для снижения и предотвращения межэтнических противоречий в России необходимы как долговременные стратегии, так и некоторые срочные меры:

— Государство в лице властей разного уровня должно оказать срочное содействие в организации контроля и охраны уязвимых этнических культур и общин, особенно из числа малочисленных национальностей. Вполне возможно введение местных таможен, ограничений на продажу алкоголя, разных видов промыслов и другой коммерческой деятельности в интересах и при участии местных общин, особенно в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

— В процессе приватизации государственной собственности и аграрной реформы полнее учитывать этнический фактор, прежде всего в районах смешанного населения, не допускать узурпации и концентрации собственности и другого достояния представителями одной этнической группы за счет других, чтобы не вызвать последующего стихийного и даже

насильственного передела. Для этого создать общественные контрольные советы или комиссии, особенно в зонах ограниченных земельных ресурсов, какой, например, является Северный Кавказ.

— Поощрение кросс-этнических политических коалиций и ассоциаций, вплоть до запрещения создания и деятельности политических партий, построенных по этническому принципу. При разработке избирательных законов на федеральном и республиканском уровнях предусмотреть систему таких избирательных округов и поощрительных стимулов для политиков, которые были бы ориентированы на многоэтнический электорат и исключали бы победу на выборах за счет избирателей одной национальности. Такая система поставит политиков в зависимость от голосов иноэтнического электората и будет способствовать достижению согласия различных групп. Межэтнические политические союзы окажутся более выгодными, чем этническая солидарность.

— Распространение достоверных и полных знаний о традициях и обычаях граждан, принадлежащих к разным культурам, развитие интереса, особенно среди молодого поколения, к "чужим" культурам. Создание энциклопедии народов России, популярных изданий, справочников и разговорников, словарей, развитие этнологических исследований.

— Исключить этническую заангажированность в деятельности органов правопорядка, судебных инстанций, низовых административных служб, поставить ее вне профессиональных требований и этики. Не допускать и противоположную ситуацию — насаждение вышестоящими властями среди местной милиции, судебных исполнителей, управленцев "этнических чужаков" (хотя и представляющих "коренную нацию"). Чаще всего это вызывает отчуждение граждан от самих государственных институтов.

— Проведение общенациональной кампании по утверждению толерантности, культивированию этнического многообразия россиян как главного достоинства и богатства нации. Организация публичных выступлений на эту тему, которая не должна быть отдана на откуп низменным спекуляциям.

Политика культурного плюрализма, возможно, самый серьезный вызов для новой России, но именно за этой политикой будущее.

ЧТО ЕСТЬ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ?*

Говоря о российском опыте этнотерриториальных автономных образований в новейший период и принимая во внимание меняющийся международный контекст, хотелось бы отметить, что есть как бы два разных языка, две разные системы объяснения данного явления, и это в значительной мере влияет и на практику. Если брать доктринальную сторону процесса самоопределения, что мы называем "актом речи", то наиболее строгий язык — это, конечно, язык международного правоведения, политологии, в какой-то мере даже социологии. С этой точки зрения такого выражения, как "право наций на самоопределение", не существует, потому что нация это есть состоявшаяся политическая коалиция — государство и поэтому уже самоопределившаяся общность. Впрочем, у нас иногда переводят, идя на осознанную или неосознанную фальсификацию либо просто по инерции, английское слово *nation* как *народ* или наоборот "people" как "нация". Поэтому в русских текстах присутствует понятие право *наций на самоопределение*, и это радикально отличается от того смысла, который является общепризнанным. Хотя сейчас все больше экспертов и политиков понимают категорию *нация* как гражданское и политическое сообщество, мы все равно (включая одну из наших лучших школ, представленную профессорами А.Х. Абашидзе и И.П. Блищенко) по инерции трактуем, переводим и издаем труды на этот счет в искаженном понимании. Т.е. мы трактуем *народ* как *этническую общность*, что сегодня называется *этносом*. Должен сказать, что в мировом правоведении, в политическом и академическом языках слова *этнос* вообще нет. Его, кстати, не было и в отечественном обществознании до 1960-х годов. Это уже метастазы так называемой советской теории этноса из нашей этнографии расплозились в последние десять лет по другим дисциплинам и попали в общественно-политический дискурс.

* Статья написана в 1995 г., но не публиковалась.

Как и понятие *нация*, понятие *народ* не равнозначно *этнической общности*, *этнической группе* или *этносу*. *Народ* — это прежде всего территориальное сообщество. И субъектом самоопределения является *демос*, т.е. территориальное сообщество, а не *этнос* или *этническая общность*. Комментарии ко всем международно-правовым документам это объясняют, если кому-то неясен текст самих документов. На этот счет были неоднократные заявления на самом высоком уровне. Есть, скажем, известная брошюра "Повестка для мира" Бутроса Бутроса-Гали, бывшего генерального секретаря ООН, где он пишет: "Абсурдно полагать, что каждая этническая общность может иметь свое государство".

Принцип и лозунг самоопределения появились достаточно давно, и, кстати, с самого начала были элементы двойного чтения этого принципа. Почти всегда это был политический принцип, всегда он был в какой-то мере средством навязывания воли победителя побежденным. После первой мировой войны это была концепция Вудро Вильсона, применявшаяся в основном к Восточной Европе, когда государственные границы пытались устанавливать по этническим линиям. Но потом, уже после образования новых государств на территории бывшей Австро-Венгрии и Российской империи, обнаружилось, что в новых "национальных государствах" оказалось еще больше меньшинств, хотя вроде бы хотели решить вопросы национального самоопределения, руководствуясь именно этническим фактором. Тогда, как и сейчас, многим казалось, что следует приводить в соответствие административные и государственные границы с этническими ареалами.

Вообще установка на совпадение этнических и административных границ — классическая ошибка национализма. В мире этого никогда не было и до сих пор не существует, кроме, может быть, десятка маленьких островных государств. И то в последние годы в связи с миграцией населения эти государства уже не являются моноэтническими.

Естественно, исходя из этого же принципа национального самоопределения в его этническом смысле, и Гитлер, и Сталин осуществляли свои геополитические идеи. Послевоенный мир тоже пытался это сделать, но почти всегда безуспешно. После холодной войны в ситуации новой реорганизации бывшего коммунистического мира, прежде всего территории Советского Союза, этот принцип тоже оказался самым понятным и самым доступным, тем более, что его выучили сотни тысяч профессионалов-гуманитариев и полупрофессионалов, которые этот язык понимают по-своему, и вся фразеология спустилась на достаточно массовый уровень. *Вместо улучшения правления в многоэтнических обществах и внутреннего самоопределения*

для культурно отличительных групп населения гораздо легче было мобилизовать этнических соплеменников вокруг советского понимания права наций на самоопределение. Это гарантировало, что значительная часть людей выйдет на митинг и даже возьмется за оружие.

Если мы посмотрим на конкретную политическую и историческую практику, то увидим, что принцип самоопределения, когда он реализовывался более ответственно и применялся, скажем, в процессе деколонизации после второй мировой войны, был не просто отличен от этнокультурных границ, но был даже против них. Иначе ни одно государство в процессе деколонизации мира и национально-освободительного движения не образовалось бы ни в Африке, ни в Азии. Надо было бы из Нигерии делать сто пятнадцать — сто двадцать государств, из Индонезии — две сотни, а из Индии больше, чем из России, потому что там гораздо больше этнических групп, не говоря уж о расовом и религиозном разнообразии. Поэтому *принцип национального самоопределения (в своем реальном, более ответственном и реализуемом виде) всегда был против этнического партикуляризма, не говоря уж о таких его формах, как вооруженный сепаратизм или явочная форма сецессии.*

Такое понимание принципа самоопределения по сегодняшний день не пересмотрено на уровне международно-правовой базы, кроме некоторых исключений, сделанных под воздействием ситуации в Советском Союзе и сегодня в России. Некоторое движение к пересмотру терминологии начали академические специалисты, в основном западные, по отношению к бывшему Советскому Союзу. Например, под редакцией Терезы Раковской в 1994 г. вышел специальный номер "Journal of International Studies", посвященный "переосмысливанию самоопределения" в плане признания советской категории "многонациональности" (вместо обычной "многоэтничности") и вытекающей из этого потребности самоопределения для "национализированных" этнических общностей.

Д. Миллер, известный западный философ, выпустил книгу — "О национальности", где говорится о том, что национальность (nationality) — это не гражданство, и в это понятие вкладывается тот смысл, который был в Советском Союзе и остается в употреблении сегодня в России, т.е. идентичность или этническая принадлежность. И особенно охотно это употребляется сегодня западными специалистами по России: они играют в тот же самый язык и как бы соблюдают политическую корректность, особенно в отношении периферийного нерусского национализма.

Хотя на Западе выражения вроде "корсиканская нация",

"гавайская нация", "нация саамов" или "нации навахо", конечно, употребляются, никто на государственном уровне не ведет речи о внешнем национальном самоопределении, хотя существуют направленные на это организации и движения (я их фиксировал еще 20 лет назад в индейских резервациях и на Гавайях), а в Канаде в начале 1980-х годов возникла ассоциация "Ассамблея первых наций", которая объединяет индейские, аборигенные народы. Т.е. мы видим, что термин *нация* в языке существует, но на уровне общественных активистов. Конечно, ни в юридическом, ни в научном языке даже в отношении Квебека и франкофонов термины "квебекская нация" и "нация франкофонов" не употребляются. Всегда подчеркивают и говорят, что есть канадская нация, которая представляет собой общность двух разных в этнокультурном отношении народов-партнеров.

Таким образом, речь идет о двойном, но не взаимоисключающем употреблении. В гражданском и политическом смыслах мы говорим об Организации Объединенных Наций, о национальных интересах России, о национальной экономике, о здоровье нации, о лидере нации. Горбачев, когда гулял с премьер-министром Индии по Красному форту, говорил: "Как хорошо, что у вас в Индии есть символ нации — Красный форт. А у нас Кремль". Ну, хорошо, в Индии-то есть понятие *индийская нация*, а символом какой нации является Кремль? Такой нации в России нет, ибо у нас конституировался "многонациональный народ", мы собственными руками (точнее словами) ввели несостоятельную категорию — *многонациональность*. Это, конечно, саморазрушительная дефиниция. И в этой ситуации, как определенный компромисс, возможно употребление понятия *многонациональность* в смысле *многоэтничность*. Можно договориться: хотите называть себя национальными республиками — называйте, но в тексте конституции такого понятия нет, есть республика-государство.

Можно вообще убрать слово *нация* из академического языка, и ничего страшного здесь нет. Фактически серьезная наука этим термином не пользуется, нет даже его дефиниции — ведь не случайно все дискуссии о том, что такое национализм, нация в нашей и мировой науке ничем не кончились. Это просто мифологическая категория.

Тем не менее вопрос о самоопределении не снимается с повестки дня и остается одной из наиболее существенных проблем организации общественной жизни в мире, в том числе и в России. Самоопределение в его наиболее полном смысле — это право (мое или группы, к которой я принадлежу) участвовать в как можно более широком общественно-политическом процессе, а не выделиться в свою собственную нишу со своей тер-

риторией. Ведь право на территорию по всем международно-правовым нормам путешествует вместе с гражданином, с человеком, и нет "своей" или "не своей" территории в рамках своего государства. Своими могут быть участки земли, а не территория.

Современное самоопределение в этом смысле включает несколько форм и, кстати говоря, не исключает сецессию. Есть самоопределение на индивидуальном и на коллективном уровнях. Кроме того, различают самоопределение внутреннее, в рамках существующей государственно-политической общности, и самоопределение в форме сецессии, раздела, выделения или воссоединения, т.е. с нарушением государственных границ. Индивидуальное и коллективное самоопределение во внутренней форме может быть территориальным и экстерриториальным. Наш опыт заключается как раз в территориальном самоопределении (по этому пути пошли большевики), а экстерриториальная форма была заклеяна. Я же считаю, что *не вместо этнотерриториального самоопределения, а вместе с ним национально-культурная автономия является одной из важнейших форм самоопределения в многоэтнических или в сложных по культурному составу государствах.* Эти две формы сосуществуют (а у нас тем более всегда существовали, мы их просто словесно не выражали) и должны сосуществовать в России. Демонтировать некоторые вещи невозможно. Кроме того, территориальная автономия не является исключительно изобретением России. Скажем, Индия в начале 1950-х годов реорганизовала свои штаты, и хотя они не были названы национальными республиками, но фактически границы штатов были приведены в очень приличное соответствие с этнолингвистическими границами. В Испании тоже существуют этнотерриториальные автономии в форме таких провинций, как Каталония и Страна Басков.

Интересно, что Испания и Англия в некотором отношении очень похожи на Россию: и там, и там доминирующая общность (кастильцы, англичане и русские) не имеют республики и нигде не записано, что они являются государствообразующей нацией. Тем не менее англичане живут в составе британской нации, кастильцы в составе испанской, русские в составе российской нации. В России форма территориальной автономии существует для основных нерусских групп, но она не может быть распространена для всех повсеместно. Для этого нужно иметь определенную гомогенность проживания (и то мы от нее отступили, ибо, как правило, во всем мире это большинство населения). Кроме того, территориальная автономия возможна только для достаточно крупных групп, чтобы они могли хотя бы образовать свою бюро-

кратию: все-таки территориальная автономия — это форма государственности и без бюрократии не обойтись. Необходим достаточно развитый язык, чтобы хотя бы государственное делопроизводство шло частично на этом языке.

Территориальная форма самоопределения — дорогое удовольствие. Но с дотациями центра у нас она существует и, видимо, должна существовать, потому что территориальная автономия выполняет важные функции: сохраняет групповую целостность, обеспечивает ресурсы для поддержки культуры и развития, предохраняет от дискриминации хотя бы на уровне основного проживания культурно отличительного населения. Это не гарантирует от дискриминации татар и чувашей в Москве, но в Татарстане и в Чувашии дает определенные гарантии и даже преимущества. Поэтому территориальная автономия — достойная форма самоопределения, и в России у нее огромный опыт, ее нужно сохранять и развивать, и это в общем-то не противоречит демократии.

Но экстерриториальная форма самоопределения не менее важна, особенно учитывая, что у нас через территориальную форму могут самоопределиться примерно только 8 из 20 миллионов нерусского населения, потому что остальные проживают за территорией республики, как говорят на нашем жаргоне, "своей" государственности. Вот это "своя — не своя" государственность — еще одна метастаза прошлого языка, и от нее, конечно, надо уходить.

И последнее, на что мало обращается внимания, — это самоопределение на индивидуальном уровне или соотношение индивидуальных и коллективных прав. Мы не должны придерживаться территориальной или экстерриториальной формы самоопределения в сугубо коллективистском плане. На самом деле главное состоит в реализации прав лиц, принадлежащих к отдельной культуре. Поэтому необходимо усилить понятие индивидуального самоопределения.

Безусловно, есть коллективные права, но они только достраивают механизм индивидуальных прав человека, которые важнее. А если исходить из того, что только через принадлежность к этносу можно самоопределиться и реализовать свои права, то это — тупиковый путь. Коллективные права важны, но вокруг них много манипуляций. В целом они выполняют только дополнительную функцию по отношению к личным правам и свободам.

ПЛАЧ ПО КОНЦЕПЦИИ*

Практика оформления государственной политики в наиболее важных сферах общественной жизни в форме доктрин, концепций или программ является общепризнанной. В отличие от текстов законов, а тем более, основного закона — конституции, доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными нормами для властей и граждан. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров велика: закон — это более консервативный текст, обычно оформляющий уже существующую практику; концепция — официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели происходящих перемен, инициируемых властями. Если закон обязывает, концепция объясняет и рекомендует. Концепции имеют свойство изменяться чаще правовых актов, и не следует преувеличивать их некую первичную значимость.

О концепции государственной национальной политики разговор ведется со времен "позднего Горбачева", и можно найти массу высказываний политиков и ученых, что межнациональные проблемы и конфликты — это прежде всего результат отсутствия продуманной и подлинно научной концепции. Особенно долгий и громкий плач раздается со стороны специалистов-теоретиков национального вопроса, которых в стране существуют тысячи и которые по-прежнему одержимы жадой верхушечных предписаний для политических практиков и простых граждан.

Бурная жизнь последнего десятилетия во многом разрушила старые догмы, возникли новые проблемы, а самое главное — реалии в виде постсоветских государств, в том числе и России с ее огромным этнокультурным разнообразием, новыми формами культурного и политического национализма. Поэтому стремление специалистов и политиков объяснить происходя-

* Эта статья — более полный вариант публикации под тем же названием. См.: Московские новости. 1996. 16 июня. № 23. С. 9.

щее и выработать современные подходы к этой сфере общественной жизни и управления вполне понятны, хотя порой трудно объяснить страсти и амбиции, которые разгорались и сохраняются вокруг принятия концепции национальной политики. Хлесткие оценки, как, например, в статье социолога Жана Тошченко "Концепция опять не состоялась" в "Независимой газете" (1996, 11 апреля), причем в день ее принятия на заседании Правительства Российской Федерации, — один из примеров претензий видеть текст документа написанным словами и терминами, которым десятилетиями обучались в интеллектуальных застенках бывшего Института марксизма-ленинизма или Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Пожалуй, самая большая ирония в том, что принятый правительством документ есть результат согласований и согласия основных "потребителей" концепции — властей федеральных и российских республик, ведущих экспертов-разработчиков, политических сил, а сравнительно небольшая группа главным образом московских носителей ученых званий продолжает баталию против документа, вплоть до запугивающего наущничества среди тех, кто готовит концепцию к подписанию ее президентом.

В чем суть принятого документа, как следует его читать и использовать? Министр по делам национальностей В.А. Михайлов уже прокомментировал его в просторном интервью "Независимой газете" (1996, 4 июня). Мне как одному из разработчиков хотелось бы сделать также некоторые пояснения. Во-первых, открою секрет, что в течение нескольких вечеров перед отправкой документа "на рассылку" стол министра был заполнен бумагами с предложениями и замечаниями, которые поступили от субъектов федерации и от федеральных ведомств. Были учтены все основные замечания, в том числе и самые "неудобные" — от Татарстана, Башкирии и Минэкономики России. Из текста ушли излишне назойливые упоминания о сохранении целостности государства и определяющей роли русского народа в государствообразующем процессе, вписанные некоторыми авторами в первоначальный вариант. Были уточнены малопонятные и провоцирующие конфликты понятия и категории, хотя, повторяю, концепция — это не текст законодательного акта, где требуется еще большая строгость.

Действительно, в тексте концепции национальной политики нет термина *нация*, а употребляемые понятия *народы*, *национальности*, *этнокультурные* или *национальные общности* объясняются скорее как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом доктринальном языке. Сделано это не для того, чтобы "упразднить нации" или "бороться с нациями", как пугают некоторые догматики. Понятие *нация* употреб-

ляется в двух значениях: как политическая, или гражданская, нация и как культурная, или этнонация. Вся международно-правовая практика и доктринальный язык современных государств (кроме постсоветских и постюгославских) пользуются первым значением этого слова. Многие культурные, политические, сепаратистские движения, организации и даже внутренние государственные образования употребляют этот термин во втором значении. Так, например, в провинции Каталония даже в официальном языке есть понятие *каталонская нация*, но на государственном уровне всегда говорится только об испанской нации — понятие, объединяющее все народы Испании.

Россия, вступив в Организацию Объединенных Наций и подписавшись под основными международно-правовыми документами, вправе хотя бы на уровне официального языка зарезервировать за собой право легитимно и без внутреннего двойного стандарта пользоваться понятием "национальный", когда речь идет об интересе, экономике, политике, армии, образовании, науке, символах и т.п. Концепция не навязывает понятие гражданской российской нации, но ограничивает официальный язык достаточно достойными понятиями *народы* или *национальности*. Никто не накладывает запрет на употребление понятия *нация* в его этническом значении лидерами республик или активистами культурных общин и даже специалистами, но федеральная власть обязана оставить доктринальное пространство для процесса гражданского нациестроительства, без чего не может существовать ни одно государство.

Более того, концепция делает уступку в пользу этнического понимания термина *народ*, хотя его наиболее распространенное значение — это общегражданская общность, население страны (например, запись в статье 3 Конституции РФ о "многонациональном народе Российской Федерации"). В концепции под понятием *народ* имеется в виду общность людей, члены которой разделяют общие название и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общее историческое происхождение. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Кстати, гражданское и этнокультурное значения понятия *народ* не противоречат друг другу и принадлежность конкретного человека к обоим или нескольким типам общностей не является взаимоисключающей. Человек может принадлежать одновременно к аварскому, дагестанскому и российскому народам. В первом случае он ощущает свою принадлежность к этнической общности (аварской этнонации), в двух других — к гражданским, территориально-политическим общностям (или политическим нациям).

Более глубоко и современно трактуется в концепции понятие самоопределения как формы обеспечения права граждан-

ских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей культурного развития и форм политического управления. Самоопределение в рамках многоэтничных государств осуществляется в двух основных формах: территориальных образований и национально-культурной автономии. Поэтому существование республик в составе Российской Федерации признается важнейшей формой этнотерриториального самоопределения, и дальнейшее развитие федерализма, разнообразных и разностатусных взаимоотношений с федеральным центром и другими субъектами федерации формулируется как одна из приоритетных задач государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

В концепции не фиксируется право на самоопределение в виде отделения, но такое право отсутствует в федеральной конституции и в конституциях республик, кроме косвенной возможности в конституции Тувы и конституции Татарстана, где этот вопрос обойден формулировкой ассоциированного статуса. Я не знаю государств, где бы законодательство и доктрины предусматривали явочную сецессию (волевое одностороннее отделение), и России нет смысла повторять безответственную лексику советских конституций. Кстати, международное право признает возможность самоопределения через образование отдельного государства, но оно распространялось на бывшие колониально-зависимые народы как территориальные (а не этнические!) сообщества. Право на сецессию (отделение) процедурно в международном праве не разработано и признается международным сообществом только в случае его осуществления на основе взаимного согласия, как это было в ситуациях распада СССР и Чехословакии.

Вторая важная форма самоопределения — экстерриториальная национально-культурная автономия. Ее субъектом могут быть любые народы и отдельные этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Концепция трактует национально-культурную автономию гораздо шире, чем ее фольклорно-этнографический вариант. Предусматриваются возможность культурно ориентированной предпринимательской деятельности, права общинной собственности и самое важное — право на особые формы политического представительства и на законодательную инициативу. В чем-то эта форма самоопределения даже перспективнее и мощнее территориальной, хотя у последней есть свои незаменимые функции, особенно по части обеспечения экономической и политической основ культурного развития того или иного народа. Нетерриториальное самооп-

ределение, в свою очередь, ближе к универсальному понятию внутреннего (коллективного и индивидуального) самоопределения — это право на участие, включая управление государством и конкурентную социальную мобильность. Концепцией предусматривается поддержка государством различных форм национально-культурного самоопределения как федеральными властями, так и властями других уровней.

В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России независимо от национальной принадлежности способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве. Тем самым не поддерживается культурный и политический изоляционизм как тормозящий фактор модернизации, но отдается должное многообразию страны через развитие не только отдельных культур, но и языков, традиций, социального опыта, мировоззрений, которые составляют питающую силу любого крупного государства.

Во-вторых, ставятся ограничители для возникновения местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Республики вправе определять свои хозяйственные, политические и культурно-языковые параметры жизни, но их государственность не есть исключительная собственность какого-то одного народа, и она существует от имени и для всех граждан соответствующих территориальных сообществ. Это, кстати, соответствует конституциям и декларациям, принятым в самих республиках.

Наконец, во избежание ненужной и плохо понимаемой градации граждан на разностатусные категории по этническому признаку не используется понятие *меньшинства*. Это не от того, чтобы обойти проблему мирового значения, зафиксированную в ряде международных деклараций, а по той простой причине, что во многом Россия ушла дальше того, чего требуют эти декларации. Международное понимание меньшинства — это все численно недоминирующие в государстве группы, т.е. строго говоря, к ним должны быть отнесены все нерусские народы. Для них международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права, но они никак не идут дальше культурно-образовательных и антидискриминационных прав. Едва ли резонно зачислять в категорию меньшинств чувашей, татар, якутов, осетин и многие другие народы, имеющие территориальную автономию в виде республик-госу-

дарств и мощные культурные институты. А если оставить в этой категории только всех других (без "своей" государственности), то опять получается абсурд.

Для коренных малочисленных народов (главным образом народов Севера), которые проживают в особых экологических средах и сохраняют традиционное хозяйство, необходимы несколько другие подходы, и они предусмотрены концепцией в соответствии с международными требованиями. Те, кто остаются среди претендентов на статус меньшинств, — это главным образом представители диаспор таких крупных народов, как украинцы, армяне, азербайджанцы и другие, которые находятся далеко не в приниженном положении, чтобы их категоризовать как меньшинства. А именно в приниженном статусе и в необходимости особой защиты заключается суть доктрины меньшинств. К тому же в стране сохраняется традиция негативного восприятия категории *нацмен*, и не хотелось бы ее возрождать ради соответствия международному словарю. Возможно, эта категория возродится в России, но лучше, если это будут делать представители тех, кто хочет, чтобы их считали меньшинствами, а не государство. Главное — выполнить требования и гарантировать те права, которые международное сообщество выработало для данных групп населения. В этом отношении положения концепции по национально-культурной автономии обеспечивают эти возможности.